

**Ислам в Татарстане:
Опыт толерантности
и культура сосуществования**

Серия: “Культура, религия и общество”.

Выпуск 9.

Под общей редакцией проф. Набиева Р.А.

**Islam in Tatarstan:
Experience of tolerance
and culture of co-existence**

Series: “Culture, religion and society”.

Release 9.

Under the general edition of Prof. Nabiev R.A.

Предисловие

Исторически сложилось так, что территория Татарстана стала местом соприкосновения двух цивилизаций — православия и ислама, уникальным регионом сосуществования тюркской и славянской культур. Народы, исповедующие разные религии за долгие годы совместного проживания, научились веротерпимости, воспитали в себе стремление познавать и уважать культуру соседа, и самое главное ценное — ценить мир и покой в своем доме.

Начиная с X века, ислам суннитского толка мазхаба Абу Ханифа был добровольно принят булгарами, и стал официальной религией Волжской Булгарии. Он получил свое развитие в Золотой Орде, особенно в эпоху Узбек-хана, а затем в Казанском ханстве. Исламу пришлось пережить непростые времена, когда Казань была присоединена к России. Но после принятия Указа Екатерины II о веротерпимости начинается его возрождение.

В XIX веке в татарской общественной жизни возникло религиозное направление, получившее название джадидизма (аль-джадид, с арабского — обновление). Оно обозначило реформаторское направление в исламе и отвечало тем политическим и экономическим условиям, которые возникли в татарской среде на рубеже веков. Джадиды столкнулись с рядом проблем, которые во многом повторяются в наше время, хотя и на другом уровне. Они задавались вопросом: что делать с традициями в быстро меняющемся мире и искали ответ в самом исламе.

Пророк Мухаммед сказал: “Воистину Аллах в начале каждого столетия будет посылать умме человека для обновления религии”. Такие люди появились среди татар. Абу-Наср Курсави, Шигабутдин Марджани, Галимджан Баруди, Зия Камали, Риза Фахретдин, Муса Биги, составили когорту теологов, давших новое толкование многих положений Корна в соответствии велениями времени.

Татары в силу географических и политических условий находились на периферии исламской цивилизации. Они вынуждены были

Редакционная коллегия:

В.Р.Абдулхаева, Р.А.Набиев, В.В.Никифоров,
В.П.Козлов, И.П.Корнилов

Авторы-составители:

Р.А.Набиев, Госман-хазрат Исаков, А.Ю.Хабутдинов.

Рецензенты:

М.А.Усманов, Р.М.Мухаметшин.

Ислам в Татарстане: Опыт толерантности и культура сосуществования. — Казань: Мастер-Лайн, 2002.

ISBN

© Совет по делам религий при
Кабинете Министров
Республики Татарстан, 2002.

© Оригинал-макет А.А.Журавлев, 2002.

выживать в жестких условиях, рассчитывая исключительно на собственные силы. Это породило особенности проявления ислама в России. По сути дела речь нужно вести о модели исламской субцивилизации, созданной татарами.

Джадиды ответили на вызов времени тем, что провозгласили открытость татарской культуры к восприятию идей и ценностей Европы. Одновременно они в центр своей деятельности поставили вопросы образования и просвещения народа, опять-таки ориентируясь на самые передовые для своего времени знания и методы обучения. Они приподняли роль личности, дав собственное толкование категории иджитхада (свободомыслия), развили теорию всеобщей благодати Аллаха, исключительно толерантную по своим принципам. При этом джадиды не создали какого-то принципиально нового течения в исламе, они исходили из его основных постулатов.

Наследие джадидов является огромным достоянием не только татар, но и всего исламского мира. Это наследие сегодня востребовано. Труды классиков татарской богословской мысли стали базой для обучения в Российском исламском университете, где готовят высококвалифицированных специалистов в области религии. Казань по праву имеет все основания вернуть былую славу духовного центра мусульман России.

Предлагаемый труд содержит краткое изложение этапов развития и изучения судеб ислама в регионе, его толерантной сущности, практики взаимоотношений религий и культур. Накопленный в Татарстане опыт весьма важен для России как светского демократического федеративного государства.

Рафаэль Хакимов

*Государственный советник по политическим вопросам
при Президенте Республики Татарстан,
Директор Института истории Академии наук Татарстана*

Религия и государство в Среднем Поволжье: политика терпимости и поликонфессиональности.

*А если бы пожелал Аллах, то он сделал
бы вас единым народом, но... чтобы испытать
вас в том, что он даровал вам. Старайтесь же опередить
друг друга в добрых делах!*

(Коран. Трапеза. 5.: 53).

Природа ислама позволяет ему впитывать в себя здоровые местные традиции, если они, конечно, принципиально не противоречат основным канонам религии и соответствуют требованиям своего времени. Мусульманская цивилизация, благодаря трансформации, произошедшей в конкретном полиэтническом регионе, определила новые границы своей восприимчивости и наработала творческий потенциал развития в иных условиях. В Восточной Европе сформировалось несколько относительно самостоятельных центров мусульманской культуры. Одним из них является ислам в Поволжье.

Процесс распространения и утверждения ислама на территории нынешней России растянулся более, чем на тысячелетие. В исторической науке последних лет развернулась дискуссия о времени принятия ислама на территории России. Ряд исследователей Института истории АН РТ под руководством Р. С. Хакимова связывают этот процесс с войнами, которые вели арабы в Закавказье, и в том числе в Дербенте, Баланджаре и других местах. Именно в это время, т.е. не позднее 40-х годов VII века, арабские воины-мусульмане способствовали началу распространения ислама на территории современной России. Есть данные, которые относят начало распространения ислама на Северном Кавказе ко времени правления халифов Умара (13-23/634-644 гг.) и Усмана (23-36/644-656 гг.) или Омейядских халифов (41-133/661-750 гг.).

Следовательно, ислам в России имеет более чем 1300-летнюю историю существования. Эта точка зрения основана на датирован-

ных сведениях о походах арабов к Дербенту, предпринятых в правление Омейядов (например, первые походы омейядских военачальников и наместников относятся к 89/707-708 г., 91/709-710 г., 95/713-714 г., 103/721-722 г.). В Хазарском каганате, значительную часть населения которого составляли булгары, ислам начал распространяться с 737 года. Это событие было связано с деятельностью арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда, окончательно присоединившего Закавказье (в том числе и земли современного Дагестана) к Арабскому халифату и покорившего расположенные севернее земли Хазарского каганата со столицей Итиль на Нижней Волге. По мнению ученых Института Истории РАН, именно эта дата является наиболее реальной. Начав в середине 7 в. первые шаги в Дагестане, ислам постепенно расширял ареал своего влияния.

В Волжской Булгарии ислам был официально принят в 922 году. Исследователи единодушны в том, что часть волжских булгар исповедовала ислам и задолго до этого. По свидетельствам Ибн Русте (913 г.) и Ибн Фаддана (922 г.), в их селениях мечети с начальными школами при них были обычным явлением.

Волжская Булгария начинает постепенно приобретать черты типичного мусульманского государства. Шариат сменяет тюркское обычное право, в городах возводятся соборные мечети, открываются мектебы и медресе; болгарские улемы совершенствуют своё образование в крупных центрах мусульманского мира — городах Средней Азии, Ирана, Ирака. Золотая Орда с принятием ислама во времена хана Узбека (1312-1343 гг.) также превращается в мусульманское государство. Именно в это время усиливается процесс распространения ислама в Нижнем Поволжье, в Приуралье, в Сибири.

Казанское ханство (1437-1552гг.) представляло собой пример мусульманского оседлого государства. Ликвидация ханства Иваном IV помимо прочего привела к уничтожению мусульманской городской цивилизации в Поволжье. В Казанском ханстве, подобно другим мусульманским государствам, основная собственность, расходуемая на религиозные и благотворительные цели (вакфы), размещалась в городах. Она была конфискована завоевателями. Перестали действовать медресе и соборные мечети. Высшее духовенство в лице сейидов (потомков пророка), казиев (судей городских округов) и мударрисов (наставников медресе) прекратило существование. После-

дние вакфы одновременно с классом татарских феодалов в сельских местностях были ликвидированы в начале XVIII в.

С середины XVI до середины XVIII вв. российское государство проводило политику христианизации всего неправославного населения бывшего ханства (официально она была прекращена в 1773 г. на основе Указа Святейшего Синода “О веротерпимости”). В 1788 г. был определен юридический статус ислама в России, и мусульмане получили ограниченную религиозную автономию в лице Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (ОМДС). Под его юрисдикцию попадали все мусульмане России, кроме мусульман бывшего Крымского ханства. На протяжении более двух веков не прекращалось сопротивление тюрко-татарского населения политике насильственной христианизации. Агрессивная деятельность миссионеров, особенно “Новокрещенской конторы” (Лука Конашевич), унижительные для ислама ограничения вызывали возмущение и волнения среди мусульман. У этого противодействия не было организационного центра, и оно не могло в тех условиях заявить о себе как о единой религиозной общине мусульман России. Хранителями исламской традиции выступали авторитетные деятели — абызы. Они сохранили мусульманские традиции в татарском мире, хотя и обладали обычно минимальными знаниями в области исламской догматики.

Во второй половине XVIII в. формирующаяся элита российских мусульман стремилась к достижению централизованной религиозной автономии, её не устраивало существование изолированных мусульманских общин. При этом идея возрождения мусульманского государства оценивалась её представителями, как явно нереалистичная.

На первоначальном этапе развития мусульманское татарское общество Европейской части России и Сибири было выделено российским государством в форму Духовного Собрания, близкую к миллету. “Миллет — это форма религиозного самоуправления, применяющая обычное право, особенно по отношению таких факторов личного статуса, как брак, развод и наследование” (Шигабутдин Марджани сравнивал институт Духовного Собрания с Шейх-уль-Исламами и казиями Румелии и Анатолии в Османской Империи).

Обеспечение догматического единства мусульман округа Оренбургского Духовного Собрания, распространение мечетей и школ на

всей его территории, унификация татарского языка как официального языка Собрания заложили основы для складывания этнической общности татар на основе членов его миллета. Вместе с тем духовенство не обладало системой финансирования, собственностью (вакфами), системой сбора налога (заката), системой контроля над положением на местах. Мусульманское духовенство не было выделено в особое привилегированное сословие.

В первой половине XIX века было две формы оппозиции официальному Духовному Собранию: системная, представленная богословами — рационалистами типа А. Курсави и Ш. Марджани, и внесистемная в лице абызов. А. Курсави, Ш. Марджани стали основоположниками религиозного реформаторства не только для татар, но и для всего тюркского мусульманского Востока. Известный ученый А. Беннигсен о татарских религиозных реформаторах писал, что “они были одними из первых мусульманских мыслителей, много раньше арабов, турок, иранцев и индусов, объявившими о праве каждого верующего искать в Коране и Хадисах ответа на все вопросы политического, социального и религиозного порядка. Их влияние на развитие реформаторского движения не только в России, но и во всем мусульманском мире, было совершенно исключительным по важности. Именно благодаря их деятельности, плохо известной на Западе и игнорируемой самими мусульманскими историками, Ислам перестал быть препятствием к прогрессу, и был очищен путь к реформам в других областях: языка, просвещения и политической организации”.

Реформаторы стремились привести традиционное мировоззрение в соответствие с требованиями эпохи. Они пытались совместить стереотипы общественного сознания со светским подходом к решению жизненных проблем. Они ориентировали верующих на рациональное познание мира, ратовали за активное отношение к жизни, стремились сделать доступным все новое, санкционируя его традицией. Поставив человека в центр богословия, реформаторы тем самым сохранили религию как основу духовности, как важный элемент культурной, идеологической, политической жизни татарского общества.

Ш. Марджани (1818-1889) был модернизатором Ислама и реформатором исламского образования. Он стремился к формированию национальной элиты во главе с духовенством. Ш. Марджани

был сторонником создания миллета по классическому мусульманскому образцу. Идеи гражданского равноправия мусульман, признание их обязанностей перед российским государством, овладение русским языком и основами знаний о российском законодательстве, обучение мусульманской элиты в правительственных учебных заведениях объединяют Ш. Марджани с И. Гаспринским. Проекты реформатора включали в себя приобретение автономии Духовным Собранием, но не затрагивали исламскую догматику. В отличие от таких улемов, как Г. Утыз-Имяни (аль-Булгари), ваисовцев и традиционалистов, Ш. Марджани был сторонником определенной степени интеграции мусульманского татарского миллета в структуры российского государства. Стремление занять пост муфтия является ярчайшим примером его гражданской позиции. Ш. Марджани теоретически и практически решил задачу сохранения мусульманской идентичности при одновременном рассмотрении мусульман России как граждан российского государства и субъектов мирового развития. Тем самым он фактически заложил основы татарской идентичности джадидской эпохи.

Новаторские идеи татарских мыслителей не могли сами по себе оказывать какое-либо заметное воздействие на массовое сознание татар. Идеи, сформулированные А. Курсави и другими мыслителями в конце XVIII—начале XIX вв., практически до конца XIX века оставались в сфере интересов преимущественно небольшой части богословов и интеллектуалов. Только с появлением джадидских медресе и первых периодических изданий, таких как “Тарджеман” И. Гаспринского (1883 г.), возникли предпосылки для восприятия религиозно-реформистских идей общественным сознанием.

Буржуазные реформы в России, начавшиеся в 1860-е гг., а затем национальная политика эпохи правления Александра III поставили перед татарской элитой задачу создания общности нового типа, то есть нации. Уже в начале 1910-х гг. джадидизм рассматривался его лидерами как создание нации мусульман России по образцу европейских наций.

В 1870—1880-е гг. татарское общество переживает этап появления первых представителей национальной светской интеллигенции и знакомства с русской, европейской и турецкой литературами, а также с теориями модернизаторов Ислама, особенно Джамалетди-

на Афгани и Мухаммада Абдо. Во второй половине XIX века сохраняются и укрепляются связи суфийского ордена Накшбандийа. Духовное Собрание, единственный официальный общенациональный институт, не претерпело изменений.

Татарская элита приходит к пониманию необходимости реформирования образования по европейским образцам, но на основе национальной и мусульманской школы. Идеи национальной светской школы, издания газеты как объединителя нации и посредника между нацией и правительством, массового светского книгопечатания являлись логическим продолжением идей мусульманского мектеба, религиозной пропаганды и издания религиозной литературы. Большинство традиционных лидеров татар нашли практическое применение результатам деятельности И. Гаспринского в сфере религиозной пропаганды, изучения светских предметов и государственного языка своими детьми и будущими сотрудниками и клиентами своих фирм.

И. Гаспринский рассматривал российскую реформу образования и государственную школу для мусульман как неизбежный шаг в эволюции государства, стремился включить джадидский мектеб в российскую систему образования. Он выступал за сотрудничество с российским государством на путях к прогрессу. И. Гаспринский активно выступал за любые меры по модернизации российского общества, по повышению его благосостояния, культурного и образовательного уровней.

Одобрение и поддержка “нового метода” частью духовенства и шейхов старшего поколения стало важнейшим фактором для его распространения среди татар. Именно эти традиционалисты-ревнители Ислама пришли к мнению о соответствии методов И. Гаспринского исламской догматике и эффективности “нового метода” для сплочения нации.

К 1900 г. в целом можно говорить о достижении основных целей просветительского этапа джадидизма. В ходе него были созданы новометодные мектебы и медресе, обеспеченные учебной литературой, издаваемой в ряде новых мусульманских типографий. Сформировался литературный язык мусульман России - тюрки. Мусульманская элита начала в массовом порядке получать знание русского языка и русскоязычное образование. В крупнейших городских центрах

возникли благотворительные общества как культурно-просветительные центры общин. Таким образом, сформировались институты общенационального образования, и вопрос стоял уже об их расширении и повышении уровня просвещения.

К началу XX века выкристаллизовываются два основных общественных движения: кадимизм и джадидизм. В конце XIX века само появление джадидизма вначале как системы образования обозначало раскол духовенства на слои, поддерживающие соответственно джадидов и кадимистов. Ситуация усугубилась, когда И. Гаспринский и другие лидеры джадидов выдвинули план политической реформы татарского общества и выступили инициаторами перехода средневекового самодержавного режима к европейскому конституционному государству Нового времени. Традиционалисты — защитники Ислама и сторонники сохранения устоев Ислама оказались в ситуации выбора между этими двумя противоречащими друг другу моделями. Основным способом борьбы с реформами кадимисты видели в насилии и репрессиях властей, особенно в период после революции 1905—1907 гг.

Джадиды реформировали мусульманскую общину России и создали модель, отвечающую особенностям современной цивилизации. Поэтому именно джадидизм стал синонимом развития мусульманского общества, учитывающего российские реалии. Джадиды на начальном этапе ставили своей целью реформу образования, заключающуюся в изучении светских наук в национальной мусульманской школе на родном языке при параллельной подготовке учителей. С подготовкой граждан следующим этапом намечалось создание тюрко-татарской нации, автономной в вопросах религии и образования, а в российском масштабе — децентрализация и широкое самоуправление, правовое государство с равноправием всех граждан и равенством религий.

И. Гаспринский прикладывал огромные усилия для создания светской национальной элиты. К концу XIX века встал вопрос о создании учительских курсов и джадидских медресе, как центров подготовки новой элиты. К рубежу веков эти функции выполняли медресе “Хусаиния” и “Расулия” для Южного Урала, Степей и Туркестана, “Буби” для Прикамья, “Усмания” для Среднего Урала, “Мухаммадия” и “Апанаевское” для Поволжья.

В период российской революции 1905—1907 гг. преобладающей становится идея религиозной и образовательной автономии всей нации. Важнейшей целью становится создание общенациональной системы светского и духовного образования. Общественное движение мусульман России объединилось под лозунгом мусульманского единства. “Постановления III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде” (1906) были направлены на создание структур религиозной автономии в рамках существующего государства. Целью постановлений было превращение отдельных этнических групп и местных Духовных Собраний в единую административную структуру — миллет мусульман России.

Религиозная автономия была провозглашена на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве в мае 1917 г. 20 июля в Казани открылся съезд духовенства. Буинский мулла Нур Гали призвал съезд активизировать роль духовенства. Ему возразил Садри Максуди, представитель светского крыла казанских съездов. Он заявил, что деятельность и единство духовенства должны быть ограничены тремя вопросами: обеспечение потребностей культа; обеспечение нужд духовенства, как класса; использование его духовной силы.

Объединенное заседание казанских мусульманских съездов 22 июля 1917 г., включив муфтият, как один из назаратов (министерств) в Милли Идарэ (правительство национально-культурной автономии), фактически поставило духовную власть под контроль светской. Путем отказа от ряда либеральных положений, и важнейшим из них стало частичное ограничение женского равноправия, светским лидерам удалось заключить альянс с большинством духовных лидеров. Съезд Духовенства принял решение об изменении постановления Московского съезда по женскому вопросу в двух моментах: сохранение гражданского равноправия женщин, но отсутствие равноправия в вопросах права наследования, дачи свидетельства, развода; сохранение многоженства и паранджи. Духовное Собрание выступило стабилизатором между радикальной частью общественных деятелей и консервативным народным большинством.

После разгрома Милли Идарэ в апреле 1918 г. ЦДУМ вновь превращается в единственную общенациональную структуру. ЦДУМ сохранил до конца 1920-х гг. свои институты на всей территории

татарского мира и диаспоры, единую структуру с казахским духовенством и связи с духовенством всех мусульманских регионов СССР.

В 1923 г. начал выходить журнал “Ислам мэджэллэсе” (“Исламский журнал, сборник”) под заголовком “религиозный, моральный и философский журнал”. Р. Фахретдин в статье “Религиозный вопрос сегодня” призывал соединить Коран и хадисы с потребностями современности и вводить изменения в жизнь, сообразуясь с Кораном и Сунной. Муфтий говорил о необходимости выполнения законов Шариата. Причем Р. Фахретдин прямо ссылался на правовую концепцию Абу Ханифы и его традицию сохранения порядка и уважения к режиму.

Р. Фахретдин, имевший многолетний опыт деятельности в качестве казья во времена Александра III и Николая II, выработал практически оптимальную в данных условиях модель диалога с властями. С 1924 г. по 1926 г. в Башкирской республике происходит даже увеличение числа мусульманских религиозных групп и обществ соответственно с 643 и 417 до 717 и 473. Однако все попытки добиться издания учебной литературы и организовать медресе были отвергнуты властями. Выпуск журнала “Ислам мэджэллэсе” был прекращен в 1928 г. На заседаниях Политбюро ЦК РКП (б) в апреле-мае 1928 года рассматривалась просьба муфтия Р. Фахретдина об открытии богословской школы (медресе) в Уфе, но партийные органы сочли “нецелесообразным” иметь подобное духовное учебное заведение. Круг ограничений все больше расширялся.

Таким образом, власти вели политику, направленную на недопущение воспроизводства образованного духовенства, консервацию устоев, локализацию отдельных мусульманских общин, запрещение издания богословской литературы. Результатами такой политики были снижение догматического и общекультурного уровня местного духовенства, усиление ориентации на обрядовую сторону религии, отрыв от изменений, происходящих в современном мире вообще, и в мусульманском мире в частности. Переход на латинский шрифт должен был закрепить эту прогрессирующую отсталость татарского духовенства. Постепенное вымирание выпускников медресе, и прежде всего улемов-джадидов, неизбежно должны были привести мусульманское духовенство к роли достаточно маргинальной группы общества, не обладающей достаточными знаниями и образованием.

Активная политика по получению высшего и среднего специального образования широкими слоями татарского общества неизбежно вела к снижению роли духовенства как одной из групп национальной элиты.

Можно выделить - с известной долей условности - несколько этапов в антирелигиозной практике правящей партии и Советского государства в довоенный период:

- 1) 1917-1922 годы, когда в условиях социальных потрясений проводится революционная секуляризация;
- 2) 1923-1927 годы - в период нэпа делались попытки смягчения конфронтации с церковью, при усилении, впрочем, идейной борьбы с религией и церковью;
- 3) 1928-1933 годы — период наиболее жесткого административного давления на религиозные объединения и разрушительно-репрессивных способов борьбы;
- 4) 1934-1940 годы — период эйфории от “побед на антирелигиозном фронте”, когда делались попытки окончательной ликвидации “врагов социализма”, в том числе духовенства путем прямых необоснованных репрессий.

В 1940-1950-е гг. наблюдаются определенные уступки в отношении мусульманского духовенства, был проведен съезд при ЦДУМ, но не было разрешено создание медресе и печатных изданий. В рамках новой атеистической кампании в 1960-1969 гг. число мечетей уменьшилось с 2307 до 962. В 1961 г. в Татарстане существовало 646 неофициально действующих религиозных мусульманских объединений с 366 нелегально работающими муллами. В 1970-1980-е гг. мусульманские общины были зарегистрированы в таких новых городах, как Альметьевск, Зеленодольск, Набережные Челны и Лениногорск. Однако именно в эти годы естественным образом завершился жизненный путь почти всех выпускников медресе. Функции мулл, как и во времена абызов, стали выполнять лица, не только не владеющие арабским языком и догматикой, но даже арабской графикой.

Опыт сосуществования монотеистических общин и гражданской лояльности

*Свобода — это право, данное Аллахом
мужчинам и женщинам.*

Галимджан Баруди (1917).

Для татарского народа первый этап реформ, приведших к созданию нации, начинается во второй половине XVIII века. Основной особенностью татар был то, что они отличались от соседних народов по религиозному признаку, а от других мусульманских народов — нахождением в составе немусульманского государства на протяжении более чем двух веков. Наиболее важной характеристикой начала периода является переход основного вектора деятельности татарского мусульманского этноса от сопротивления насильственной христианизации к достаточно автономному развитию в рамках российского государства. После уничтожения Петром I татарских мурз, как феодального служилого сословия, единственной относительно привилегированной группой остаются дипломаты и торговцы, используемые для взаимоотношений с мусульманским Востоком. Поэтому татары Сеитова посада (Каргалы) в 1745 г. первыми получают права корпорации, включая свободу вероисповедания и освобождение от рекрутской повинности, при условии участия всех членов корпорации в торговле с мусульманским Востоком. Р. Фахретдин отмечал, что впервые после падения Казанского ханства “возрождались официально признанная национально-религиозная жизнь татар”.

На примере Каргалы впервые создается модель сотрудничества между татарским обществом и российским государством. При этом татары обеспечивают экономические и политические интересы российского государства в казахских степях и Средней Азии вплоть до Индии Великих Моголов, а российское государство предоставляет им свободу вероисповедания и возможность для извлечения монопольных экономических прибылей на фиксированных рынках. Ос-

новным посредником государства выступает не класс феодалов, а буржуазия. Таким образом, само российское государство во многом определило ведущую роль буржуазии в татарском обществе.

После пика репрессий эпохи Луки Конашевича и разрушения более 80% мечетей в 1740-е гг. правительство отреагировало на восстание Батырши в 1756 г. первыми уступками мусульманам: разрешалось иметь мечети и школы в населенных пунктах, где христиане составляли менее 10%, и мусульманам на год обязались не ставить рекрут. Именно в это время правительство окончательно убедилось в стойкости мусульман и бесполезности репрессий против религии Ислама. Причиной этой стойкости была приспособленность сущности мусульманского учения потребностям простого народа и выборность мулл, в отличие от православного духовенства. Мулле принадлежало бесспорное духовное лидерство в общине, как самому образованному человеку, учителю, судье и лекарю. Поэтому именно контроль над ранее свободным духовенством и должен был обеспечить контроль над духовной жизнью мусульманских общин и всего татарского народа.

Екатерина II, взошедшая на престол в 1762 г., стремилась упрочить стабильность российского общества, сократить размах народных выступлений, поставить под контроль все группы, обладающие реальным влиянием. Ее реформы в 1764-1789 гг. были нацелены на подчинение татарского общества государству. Картину требований она получает во время пребывания в Казани в 1767 г., а также из наказов татар и выступлений их депутатов в Уложенной Комиссии. Они основывались на признании гражданского и экономического равноправия мусульман и православных и обеспечении свободы вероисповедания. Позиция мусульман концентрировалась на следующих пунктах: “дозволить свободную торговлю всем мусульманам, не препятствовать открытию их культа, постройке мечетей, открытию школ, устроить для мусульман специальные мусульманские суды по шариату, разрешить иметь собственную администрацию и пользоваться в делопроизводстве татарским языком”.

До восстания Пугачева в 1773-1775 гг. Екатерина II уничтожает Контору Новокрещенских Дел (1764 г.), разрешает вновь строительство ограниченного числа мечетей (1767 г.), в том числе двух каменных мечетей в Казани. Восстание Пугачева встречается Ука-

зом Святейшего Синода о свободе вероисповедания (1773 г.). Убедившись в лояльности татарской элиты, переведа противоречия между государством и мусульманами из религиозной в социальную сферу, Екатерина II переходит к прямым уступкам. Купечество получает право торговли по всей Империи (1776 г.) и орган самоуправления — Казанскую Татарскую Ратушу (1782 г.). Мурзы уравниваются в правах с русским дворянством (1784 г.). Духовенство получает признанный государством статус указных мулл и сословный орган — Духовное Собрание (1788 г.). Таким образом, элита добивается функционирования сети религиозных и образовательных учреждений, права торговли, создания Духовного Собрания — Махкама-и-Шаргыя (буквально Шариатского Суда) с татароязычным делопроизводством. Однако уравнивания в правах православных и мусульман не произошло.

Все эти привилегии охватывают три основные группы элиты, численно составлявшие лишь незначительную часть татарского общества. Под контролем этих групп фактически оказалось все мусульманское население округа Оренбургского Духовного Собрания. Функции духовенства в вопросах религии, образования и гражданского права охватывали все население. Территория башкирского конного войска управлялась мусульманскими старшинами — главами кантонов. Буржуазия фактически финансировала систему схоластического образования и всю инфраструктуру городской жизни. Должности старшин в аулах и глав татарских слобод в городах замещались мусульманами. Мусульмане получили возможность поездок за рубеж, правда, периодически ограничивавшуюся, и приписки к городским сословиям.

Само существование Оренбургского Духовного Собрания, его деятельность, направленная на централизацию и контроль над кадровым составом духовенства, долго вызывали сопротивление у части общества, что получила свое отражение в движении абызов, а затем и ваисовцев. Фактически идея использования Собрания концептуально была поддержана только Ш. Марджани в 1860-е гг. в его попытке превратить муфтия из правительственного администратора в духовного лидера мусульманской общины.

В 1788 г. Екатерина II создала единственный орган, объединявший всех мусульман Внутренней России и Сибири — Оренбургское Духовное Собрание. 22 сентября 1788 г. был принят указ императ-

рицы “Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона, и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими”. Таким образом, мусульманское духовенство ставилось под контроль государства, полностью определявшего его кадровый состав. Если учесть, что в России уже существовала свобода вероисповедания, то этот указ устанавливал механизм надзора за духовными лицами, при этом основное место уделялось их лояльности российскому государству (“люди, в верности надежные...”). В этот же день по именному указу Сенату ахун Каргалы Мухаммеджан Хусаин стал муфтием всех мусульман России, “исключая Таврическую область”.

По статусу Духовного Собрания, ему, в трактовке Ш. Марджани, были поручены следующие вопросы: “давать фетвы о верности или ошибочности деяний в религиозных делах или мусульманам подчиненного им округа, духовных вопросах; принятие экзаменов у лиц, назначаемых на должности выполняющих обязанности по Шариату ахунов, мухтасибов, мударрисов, хатыбов, имамов и муэдзинов в вопросах науки, практики и морали; выдача разрешений на строительство и ремонт мечетей; раздел имущества мусульман по Шариату”.

Таким образом, кроме чисто богослужебной сферы, мусульмане обладали особыми правами в области Брачного и Семейного права, то есть никаха (брака), талака (развода) и мираса (раздела имущества). Статус Духовного Собрания не предусматривал централизованной системы образования или подготовки к сдаче экзаменов на духовный чин. Лица, сдавшие экзамен, получали Указ и поэтому назывались указными муллами. Духовное Собрание подчинялось Министерству Внутренних Дел, то есть фактически муллы подчинялись исполнительной власти. До 1874 г. МВД контролировало и мусульманские школы, имевшие статус частных учебных заведений. Их открытие проводилось фактически в уведомительном порядке.

Р. Фахретдин сформулировал три основные задачи, обусловившие создание Собрания:

- 1) Создать любовь к России со стороны восточного Ислама;
- 2) Оставить без силы не имеющих официального статуса улемов, оказавшихся под скипетром России;
- 3) Превратить Ислам на берегах Волги и Урала в официальную религию и мазхаб и распространить везде мектебы и медресе.

Духовное Собрание обладало лишь четырьмя членами (муфтий и три казья), и без учебного заведения и стандартной программы стало скорее официальным учреждением, где указы на духовное звание зачастую продавались. Татарское духовенство отличалось финансовой необеспеченностью. Большая часть вакфов в Поволжье была конфискована сразу после уничтожения Казанского ханства, и окончательно этот процесс был завершён в 1730-е гг. Напротив, в XIX в. в Османской империи примерно 1/3 всех земель относилась к категории вакфов. В Бухаре в 1870-е гг. вакфы составляли 24,6% орошаемых земель, причем эта доля не изменялась до 1920 г. Таким образом, имущественное положение татарского духовенства коренным образом отличалось от положения духовенства мусульманских государств. Не обеспеченная финансово и не подкреплённая карательными мерами российская система действовала гораздо более мягко. По словам Ш. Марджани, приговор А. Курсави был вынесен только под угрозой репрессий в отношении суда со стороны бухарского эмира. Для татарских улемов пример А. Курсави всегда являлся уроком, демонстрирующим преимущество российского религиозного устройства перед системой функционирования духовенства в мусульманских государствах.

Бюджетные расходы на содержание Оренбургского Духовного Собрания оставались крайне незначительными на протяжении всего периода до 1917 г. Отличительной особенностью структуры Духовного Собрания было отсутствие эффективного механизма контроля над положением на местах. Среднее звено духовенства — ахуны, как правило, были разбросаны по деревням и не оказывали никакого влияния на местное духовенство и власти на уездном и губернском уровне. Уже в начале XIX века мусульмане понимали потребность в автономии духовных властей на местах, в наличии строгой централизации духовной власти и соответствии структур духовных органов административно-территориальному устройству России. Все эти проекты не были реализованы, и практически единственным механизмом контроля со стороны Духовного Собрания было временное изъятие указа.

В начале XIX века татарская буржуазия впервые выступает инициатором создания школы светского типа. 10 сентября 1818 г. муфтий М. Хусаин обратился с ходатайством к министру народного про-

свещения об открытии училища для татар с целью подготовки духовенства, имеющего светское образование. Программа этого училища должна была мало отличаться от программы аналогичных русских главных училищ. Этот проект не был реализован.

Утверждение на должность муфтия светских деятелей в лице С.-Г. Тевкелева и М. Султанова не вызвало особого сопротивления в татарском обществе. До конца XIX века татарская экономическая и культурная элита надеялась на то, что муфтий сосредоточит свою деятельность на защите гражданских и политических прав мусульман, реформе их образовательных и религиозных учреждений, чего реально не произошло. Муфтии предпочитали политику соглашательства и полумер. В 1878-1879 гг. С.-Г. Тевкелев фактически отказался от функции посредника между восставшим татарским населением и официальными властями, несмотря на просьбы самих мусульман.

Отсутствие у муфтиев богословского образования подрывало их авторитет. Сам факт вакуума власти в татарском обществе не мог не привести к усилению альтернативных источников светского и религиозного лидерства. Первую нишу начинает занимать буржуазия, вторую — суфии с их разветвленной системой мюридов.

Суфий З. Расули прославился и как крупнейший реформатор-джадид, и как шейх, обладавший максимальным числом мюридов среди татар, башкир и казахов. После инициации в Бухаре в орден Накшбандийа с 1858 г. он стал имамом и мударрисом в ауле Ак-Хужа Троицкого уезда. Именно там он начал свою деятельность шейха-мюршида. В 1884 г. Расули был избран имамом пятого прихода Троицка и возглавил медресе, названное его именем. Наиболее известным мюридом Расули стал Галимджан Баруди (муфтий в 1917-1921 гг.). Он намечался на пост общероссийского Шейх-уль-Ислама еще в 1906 г. по личной рекомендации И. Гаспринского. Особое внимание Расули уделял медресе Г. Баруди “Мухаммадия”. В 1891 г. он заложил первый камень в его основание. Огромный авторитет Расули, его личные отношения с мюридами позволяли ему в определенной степени контролировать жизнь мусульман на огромных территориях. К нему стекались ученики из Сибири, с китайской границы, из Туркестана, Казахстана, Дагестана и Казани.

Свой авторитет ишана он использовал для внедрения нового метода своими шакирдами. По словам Хади Максуди, “одно из больших свершений, сделанных хазретом для нации состоит в том, что он давал на любой из вопросов современности ответ, соответствующий Шариату”. Особую роль Расули сыграл в просвещении и окультуривании кочевников, в первую очередь казахов. Мухаммад-Наджиб Тютяри утверждал, что “одной из наиболее важных реформ и значительных трудов было распространение среди казахов знаний, приведение их к исламскому образу жизни, иджтихад (усилия) по прекращению среди казахов обычаев язычества”.

Суфии представляли ту часть татарской мусульманской интеллектуальной элиты, которая стремилась к постоянному сохранению и приумножению знаний, при этом сохраняя автономию от государства, в отличие от официального духовенства.

23 октября 1871 г. выдающийся тюрколог В. В. Радлов был назначен на должность инспектора по татарским, башкирским и киргизским школам Казанского учебного округа. Он предлагал ввести в медресе Округа изучение русского языка, арифметики, начал алгебры и других наук и создать в Казани учительскую семинарию для подготовки учителей по светским предметам и русскому языку. Таким образом, представитель администрации поставил вопрос не о замене мусульманской школы русской, а о дополнении ее программы общеобразовательными предметами и государственным языком. Такая постановка вопроса разделялась и всеми мусульманскими реформаторами и интеллигентами.

В 1871 г. открылся первый русский класс в Казани в медресе “Усмания”. К концу XIX века здесь существовало только четыре русских класса при медресе. Русскому языку, кроме того, обучали в Школе для татарских мальчиков и начальном училище при Татарской Учительской школе.

Единственными учебными заведениями, готовившими учителей для министерских школ, были татарские учительские школы. Их реальная программа серьезно отличалась от проекта Х. Фаизхани. Вариант гимназии не был воплощен. Татарские учительские школы (Уфа-Оренбург — 1872—1889 гг. и Казань с 1876 г.) готовили чисто светских преподавателей для начальных школ — “учителей начального татарского училища”. Казанская Татарская Учительская школа

в итоге превратилась в единственный центр подготовки татарских учителей для государственных школ и русских классов. Наряду с ролью Марджани в постановке духовного образования, ключевую роль в постановке светского образования сыграли Шахбаз-Гирей Ахмеров и Ибрагим Терегулов. Оба они были выходцами из дворянских чиновных родов Уфимской губернии

Казанская Татарская Учительская школа на рубеже XIX—XX веков стала центром формирования качественно новой группы национальной элиты, воспитанной на национальной и российской почве и не принадлежавшей к выходцам из классов феодалов или буржуазии. В 1892 г. принимается закон об образовательном цензе на знание русского языка для получения указа на должности духовенства. Однако в 1893 г. в Казанской губернии только 506 мусульман имели образовательный ценз, достаточный для сдачи экзамена по русскому языку на должность имама.

Важнейшим моментом, определившим распространение “нового метода” среди татар населения, стало получение одобрения и поддержки со стороны части духовенства и шейхов. Так, молодой Галимджан Галеев (Баруди) в бухарском медресе убедился в архаичности старых методов. Вместо средневековых идеалов ученого, сам Баруди выдвигает идеалы служения Родине и нации. “Для личности самое великое счастье — счастье служить Родине, а для сынов нации — служить ее счастью, моя сладкая мечта использовать достижения образованных наций. Пробуждать сынов божьих, называемых татарами, направлять их по пути наук и знания - я понимаю эту необходимость, этим я занимаюсь. И находя в этом священном труде согласие Аллаха, я в этом достигаю счастья”. Баруди вырабатывает основы программы обучения и воспитания. Ее цель — создание высоко моральной личности, преданной Родине и нации. Подобным идеалом должны служить пророк Мухаммад и его соратники — асхабы. Таким образом, поддержка духовенством нового метода была обусловлена пониманием необходимости реформирования общества и системы образования.

Джадидизм и приносимый им прогресс стали важнейшим подспорьем в усилении и пропаганде Ислама в таких традиционных миссионерских центрах, как медресе Стерлибаша, чей основатель Нигматулла Тукаев был соратником еще А. Курсави. В 1913 г., когда

тюрколог В. В. Бартольд посетил “центры старого ислама — Каргалу, Стерлибаш... он мог убедиться в том, что “реформы” успешно прокладывают себе путь всюду, даже в Стерлибаше”.

Новые муллы и мугаллиммы, получившие образование в реформированных медресе, представляли собой естественную конкуренцию для старого поколения духовенства. Для мулл вознаграждение за деятельность в качестве учителей составляло значительную часть их доходов. Создание сети светских школ наносило удар не только по их доходам, но и по монополюльной функции глав духовной жизни общины. Распространение джадидской литературы с ее критикой отсталости мусульман и косности духовенства подрывало социальную роль старого духовенства и изолировало его от руководства духовной жизнью общины. Переход основных медресе в городах в руки джадидов обозначал постоянное уменьшение рядов консерваторов.

Представители традиционной мусульманской духовной элиты в лице Г. Баруди, Р. Ибрагима, З. Расули, Х. Усманова, Р. Фахретдина становятся ключевыми фигурами в процессе создания структур джадидского образования как религиозного, так и светского. Эти представители духовенства поняли необходимость реагирования татарского общества на российские реформы Нового времени. Они согласились с утратой своих монополюльных позиций в сфере образования во имя сохранения целостности татарской мусульманской общины и недопущения дальнейшей ассимиляции ее членов, находившихся вне его экономической и образовательной системы. Крупные экономические центры типа Казани, Оренбурга, Уфы, Троицка являлись основными пунктами, где осуществлялось создание новой национальной элиты, обладающей реформированным мусульманским и (или) русским образованием.

При анализе джадидизма не следует использовать термин Reformation (реформация) и смешивать этот процесс с европейской реформацией, являвшейся прежде всего религиозным движением. Джадидизм не обозначал изменение богослужebной мусульманской практики (гыйбадат) и догматики (акаид), а являлся преимущественно светским движением. Теоретики джадидизма И. Гаспринский и Ю. Акчура рассматривали этот процесс по аналогии прежде всего с процессом формирования французской нации. Однако в отсутствии государственности это процесс носил не революцион-

ный, а эволюционный характер. Сам И. Гаспринский верил в прогресс всех народов по пути европейских государств.

На начальном этапе основной проблемой было отсутствие каких-либо связей между джадидской системой образования и статусом татар. Джадидизм концентрировался в наиболее экономически развитых регионах, городах, среди диаспоры. При отсутствии государственных и земских ассигнований новометодные учебные заведения и другие центры просвещения обеспечивались только при наличии значительных средств у самих татарских баев. Джадидизм почти не дал возможности татарам занять новые места в системе государственного образования или в аппарате.

На рубеже веков XIX—XX веков Фатих Карими, братья Габдулла и Губайдулла Буби, Рашид Ибрагим, Муса Биги начинают приходить к идее необходимости реформы государственного строя России ради прогресса и автономии татар. В Европе уже существовали конституционные режимы, основным лозунгом турецкой оппозиции было восстановление Конституции 1876 г. Под влиянием этих идей и поездок за рубеж ряд татар начинают задумываться о переходе от просветительской к политической стадии национального развития. В 1900 г. начинает выходить хроника Р. Фахретдина “Асар”, призывающая к реформе Духовного Соборания, к продолжению идей и проектов А. Курсави, Ш. Марджани, Х. Фаизханова. Целью этих деятелей была также религиозная и культурно-национальная автономия нации тюрко-татар мусульман России.

Образование за рубежом становится все более привлекательной для молодежи. В области религиозного образования Каир заменяет Бухару. Таким образом, медресе “Аль-Азхар”, реформированное М. Абдо, становится центром передачи идей модернизации Ислама и общественных реформ у татар. В 1910 г. этнограф Л. Штернберг писал об обучении татарских мулл в Каире: “Здесь... английская свобода породила в мусульманстве идеи, которым, может быть, суждено изменить всю психику мусульманского мира”.

В 1906 г. по принятой III Всероссийским Мусульманским съездом программе реформы управления духовными делами в России создавались пять Махкама-и-Исламия (Мусульманских Собраний). Им передавались все религиозные дела мусульман, включая контроль над медресе, мечетями и вакфами, утверждение духовных лиц

и судопроизводство по вопросам никаха, талака и мираса. Средний уровень должны были составлять губернские и уездные медресы духовенства. Главой мусульман России избирался Раис-уль-Улама, имеющий право личного доклада Императору. Все духовенство избиралось только мусульманами. Рекомендация Гаспринского провозгласить Раис-уль-Улама Г. Баруди обозначала открытый разрыв с муфтиятом и всей системой официального религиозного устройства. Однако татарское духовенство, поддержанное буржуазией, было уже принципиально готово к переходу к религиозной автономии.

В 1914 г. Р. Фахретдин выпустил книгу “Дини вэ иджтимагый мэсьэлелэр” (“Религиозные и общественные вопросы”), посвященную обоснованию реформ Нового времени и рассматривающую позицию правоверных мусульман по отношению к реформам. Само название работы говорит о необходимости синтеза религиозных и светских основ для развития исламской нации. В реформе права “Основные правила” зиждились на традиционной суннитской доктрине, заключающейся в том, что “Коран и сунна напрямую должны быть потребностью и доказательством для мусульманских правителей”. Основным источником реформы права становилась “иджма”, которая “если она не противоречит Шариату, выражается в согласованном вынесении решений по реформам своего времени”. При этом наряду с мнениями улемов, она учитывает позиции “глав благотворительных обществ, воинских командиров и глав других организаций, адвокатов и докторов, инженеров и торговцев, редакторов и писателей, рабочих”. Таким образом, Шура (Совет), принимающий правовые решения, превращается в орган мусульманской общины Нового времени. Шура должна действовать в соответствии с реалиями экономики и культуры и представлять собой союз всех классов и обществ.

Фактически именно эта идея легла в основу создания Миллет Медресе, который представлял союз всех вышеупомянутых групп национальной элиты. На таком принципе представительства всех партий и общественных групп в 1917г. строились и все местные мусульманские комитеты и бюро.

Фахретдин прямо утверждал: “нации, которым приходится жить в мире должны самостоятельно мыслить и в соответствии с изменениями времени и прогрессом нужно двигаться, чтобы политичес-

кие, экономические и общественные дела соответствовали потребностям времени, их нужно соответственно обновлять и строить”. При этом “в парламенте и Государственном Совете... нужно выполнять решения, согласные с Кораном и Сунной”. В итоге должна быть создана Конституция как “очень полезная вещь для исламского мира”.

Ислам должен сохранять значение как система мировоззренческих и моральных устоев: “Ислам, будучи универсальной религией, пригоден для всех времен, всех мест и государств, всех народов и наций. Если обязательно есть какая-то религия, которая пригодна для счастья в этом и том мире, для материальных и духовных достоинств, то эта религия, несомненно, религия Ислама”. Сами мусульмане должны вернуться к путям чистой религии времен асхабов. Р. Фахретдин отменял доктрину об отсталости религии по сравнению с наукой. Для него только религиозность является основой высокой морали, поэтому “то, что люди религиозны, столь естественно, как то, что они культурны”. Р. Фахретдин создал свою работу, ориентируясь на условия всего мусульманского мира. Он также определил миллет мусульман России прежде всего как часть мусульманской уммы.

В татарской национальной элите существовало понимание необходимости модернизации общественных институтов в сферах создания парламента, провозглашения конституции по образцу европейских государств при параллельном сохранении единства исламской уммы с ее догматикой и моральными основами. Именно в этом моменте мы можем говорить об интеллектуальном влиянии таких модернизаторов Ислама, как Дж. Афгани, М. Абдо, Р. Рида и А. аль-Кавакиби. Эти взгляды обозначали отход от традиционной исламской и оттоманской “миллета” как конфессионального автономного образования в пользу создания постоянно модернизирующейся нации европейского типа. Эта задача занимала центральное место в деятельности татарских национальных лидеров после поражения российской революции 1905–1907 гг. и особенно младотурецкой революции 1908г. Татарским теологам, и прежде всего Р. Фахретдину, принадлежала историческая задача богословского обоснования этих реформ, которая была блестяще выполнена. Практическая реализация этих постулатов частично осуществлялась в деятельности

Милли Идарэ как единого органа, объединяющего в себе структуры как светской, так и религиозной автономии. Целый ряд мусульманских политических деятелей в период 1907-1914 гг. ставил вопрос о создании единых общемусульманских органов, хотя бы на уровне Совета всей уммы — Шура. Эти органы должны были обеспечить технический прогресс мусульман по образцу европейских государств. В итоге должен был быть создан союз мусульманских государств.

На I Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917г. духовенство вело самостоятельную политику. Ибрагим Терегулов отмечал, что мусульманское духовенство приняло “деятельное и активное участие во всех политических делах”, настаивало на параллельном сосуществовании национальных и религиозных органов.

Ключевым моментом, усилившим самостоятельность духовенства, стало избрание независимого Духовного Собрания во главе с муфтием Г. Баруди, что обозначало прекращение полувековой традиции руководства муфтиятом светскими лицами. Г. Баруди и избранные казии представляли джадидов и в большинстве своем являлись активными политическими деятелями.

Кульминацией движения духовенства стал всероссийский съезд, открывшийся в Казани 20 июля 1917 г. Кроме представителей татар и башкир, на нем присутствовало духовенство Крыма, Кавказа, Туркестана, Казахстана, Сибири. Муфтий Г. Баруди заявил: “В нашем сердце есть вера, есть наш главный учитель — Коран и наше рвение”. Объединенное заседание казанских мусульманских съездов 22 июля 1917 г., включив муфтият, как один из назаратов (министерств) в правительство национально-культурной автономии автономии, фактически поставило духовную власть под контроль светской.

После разгрома Милли Идарэ в апреле 1918 г. ЦДУМ вновь превращается в единственную общенациональную структуру. Духовное Собрание и его органы оказались символом национальной самоидентификации, естественным центром сплочения буржуазии, большей части интеллигенции, крестьянства и рабочих. Татарский народ продолжал видеть в Духовном Собрании свой национальный и религиозный орган. Огромную роль здесь сыграли высокая квалификация, личное мужество и идейность многих представителей духовенства.

В 1923 г. окончательно восстановив свои структуры, частично распавшиеся в годы гражданской войны, Центральное Духовное Уп-

правление мусульман Внутренней России и Сибири (ЦДУМ) получает признание от центрального правительства. Помимо самого управления, являющегося единым центром утверждения кадров и руководства ими (ЦДУМ), это еще и аналитический и теоретический центр (Голямалар Шурасы), региональные контрольные учреждения (мухтасибаты), местные органы религиозного контроля над мусульманским населением (махалли), начальная религиозная школа (мектеб), центры подготовки и переподготовки кадров (курсы), официальный и теоретический орган (журнал “Ислам мэджэллэсе”), а также молитвенные здания, возможность участия в гражданской жизни светских лидеров приходов и светского обучения для детей духовенства. ЦДУМ сохраняет контроль над молитвенными зданиями, возможность участвовать в гражданской жизни приходов, влиять на общенациональных и местных советских лидеров. ЦДУМ сохранил до конца 1920-х гг. свои институты на всей территории татарского мира и диаспоры, единую структуру с казахским духовенством и связи с духовенством всех мусульманских регионов СССР.

Только насильственное закрытие мечетей, физическое уничтожение и ссылки духовенства, концентрация всех средств в руках государства и подконтрольных ему колхозов нанесли решительный удар по структурам Духовного Собрания. Вместе с тем массовые поминальные молитвы по муфтию Ризе Фахретдину в 1936 г. и аресты членов ЦДУМ в 1937 г. подтвердили высокий статус и авторитет духовенства у татарской нации.

Традиции казанского востоковедения

Нации, которым приходится жить в мире должны самостоятельно мыслить и в соответствии с изменениями времени и прогрессом нужно двигаться, чтобы политические, экономические и общественные дела соответствовали потребностям времени их нужно соответственно обновлять и строить.

Р. Фахретдин (1914)

Р. Фахретдин писал, что после уничтожения Казанского ханства часть мусульман бежала в Дагестан, в Крым и даже в Турцию. Через некоторое время часть из них вернулась обратно: “Среди этих вернувшихся были люди, учившиеся у ученых людей и в местах получения образования, и они переписали и принесли домой некоторые сочинения и книги”. Р. Фахретдин считал, что “после падения Казанского ханства занимавшиеся сельским хозяйством наши предки вначале получили упорядоченное образование от улемов Дагестана и известно, что через некоторое время стали получать образование в Бухаре”.

Образование на Кавказе отличалось в целом свободой и отсутствием государственного контроля. По словам Р. Фахретдина, авторитет дагестанских улемов был связан с тем, что мусульмане Волги, Булгара, Казани, Урала после уничтожения Казанского ханства потеряли основы общемусульманской книжной культуры и арабского языка. Особое значение он придавал роли дагестанских улемов в передаче знаний по таким дисциплинам, как право, хадисоведение, риторика, лексикология и морфология арабского языка. Таким образом, именно выходцы из Дагестана и их татарские ученики восстановили систему образования в медресе. По словам Р. Фахретдина, дагестанцы заложили основы “религиозного братства и национального уважения”.

Среди дагестанских улемов Р. Фахретдин отмечает Мухаммеда бине Мусу ал-Кадыки аш-Ширвани, умершего после 1139 г. хидж-

ры (1725/1726 гг.). Он являлся основателем возобновленного суфизма: “Наши шейхи из Булгара и Казани связаны с этим лицом, передавшим им силсила (суфийскую преемственность)”. Вторым духовным учителем был Муртаза ас-Симети, который также получил образование в Дагестане, а затем создал медресе в Мамадышском уезде.

Историк Хасан-Гата Габяши в 1915 г. утверждал, что до эпохи Духовного Собрания образование татар находилось под влиянием дагестанской модели обучения. Эффективность образования заключалась в том, что такие предметы, как нахву, сарыф, фикх, ахлак, акаид, тафсир и хадисы были истинными исламскими науками. К тому же их преподавали по книгам мутакаддимунув — противников калама и истинных исламских ученых.

А. Курсави (1776—1813) — “первый шаг зари религиозной реформы и свободы разума”. По мнению Г. Сагди, значение А. Курсави заключается в том, что “во-первых, он привел к религиозно-умственным дискуссиям среди татарского духовенства. Во-вторых, был первым камнем в основании той религиозной реформы, которую начал через пятьдесят лет Марджани”. А. Курсави изменил мировоззрение татарского духовенства путем создания альтернативы схоластическому официальному Исламу. Именно он стал отправной точкой всех последующих направлений татарской общественной жизни. Г. Сагди видит в джадидах наследников религиозно-философских идей А. Курсави, расширивших и приспособивших его концепцию к своим жизненным реалиям.

А. Курсави после знакомства с классической философией Ислама и сравнения ее с реалиями Бухары пришел к выводу о необходимости реформы, направленной на отказ от схоластики, восстановление свободного толкования Корана и хадисов и изменение богословия в духе времени. Призыв Курсави к преподаванию на родном языке и толкованию на нем Корана (тафсир) сближает его с духом протестантизма. Он, по мнению Г. Губайдуллина, “провозглашает принцип прав разума, начинает говорить и писать языком Гуса и Лютера”.

Татарская буржуазия для укрепления основ мусульманской веры использует такое техническое достижение, как печатный станок. По настоянию татар, в 1787 г. выходит первое в мире печатное издание Корана, подготовленное муллой Усманом Исмаилом. В 1781—1917 гг.

в России вышло 172 издания Корана, 191 издание подборок сур (хафтиак), более ста изданий отдельных сур (сувар мин аль-Кур’ан). Наличие экземпляра Корана становится общераспространенным среди татарской элиты и подчеркивает ее правозверный статус.

В 1802 г. в Казани начинается регулярное издание мусульманской литературы. В 1801-1829 гг. было издано 93 книги. Наиболее популярными произведениями были “Иман шарты” (Азбука с приложением условий веры — 52.700 экз.), Коран и его суры (43.175 экз.), Гафтиак (седьмая часть Корана, содержащая наставления — 21.300 экз.). Среди выпускавшихся книг значительное место занимали учебные книги, применявшиеся в медресе, издавались классические произведения тюркской литературы: “Кысса-и-Йусуф” Кул Гали, “Кысса-и-Кисекбаш”, “Рисалэ-и-Газизэ” Таджетдина Ялычгола, “Бэдавам китабы” и другие. Всего в первой половине XIX века выходит 401 издание книг. Если в первой четверти века преобладает религиозная, религиозно-дидактическая литература и книги для начального образования, то во второй четверти издается и литература по праву, философии, поэзия.

В 1769 г. в Казанской гимназии был открыт класс татарского языка. Попытка соединения русской и татарской учебной традиции прослеживается в деятельности рода Хальфиных: Сагита, Исхака и Ибрагима. С. Хальфин составляет “Азбуку татарского языка” (1778 г.) и двухтомный русско-татарский словарь и грамматику (1785 г.) для русских учебных заведений. В первой половине XIX века происходит параллельное издание памятников болгарской эпохи и времен чингизидов. Если в 1839 г. выходит первое издание “Кысса-и-Йусуф”, то уже в 1819 г. Ибрагим Хальфин издает исторический труд “Жизнь Чингиз-хана и Аксак Тимура” по правилам европейской науки. Если улемы концентрировались на истории болгар, то служилого татарина мурзу Ибр. Хальфина интересует история тюркских государств, прежде всего Золотой Орды. По мнению Дж. Валиди, Ибр. Хальфин был первым из татар, кто занялся проблемами национальной истории, выступал против сохранения отживших норм чагатайского языка и за принятие форм османского турецкого языка. Его призыв издавать татарские рукописи остался без ответа.

В первой половине XIX века выходит наибольшее число татарских грамматик и хрестоматий (Ибрагим Хальфин, Абдюш Вагапов,

Салихжан Кукляшев, Гали Махмудов) для русских школ, где была дана картина развития живого татарского языка в 1770—1850-е гг.

Основным центром востоковедения в Казани стал первый в России “разряд восточной словесности” Казанского университета, в развитии которого сыграл выдающуюся роль великий ученый ректор университета Н. И. Лобачевский. Профессор Х. Д. Френ стал основоположником арабистики в России, в 1830-е гг. была открыта кафедра турецко-татарского языка во главе с профессором А. К. Казем-беком. Особенность казанского востоковедения было сотрудничество ученых, представлявших разные народы и религии. Именно в Казани были создан первый в России толковый словарь арабского языка, изданы хрестоматии и труды по фикху. Здесь исламоведы могли непосредственно соприкасаться с улемами и факихами, проверяя истинность своих теорий. К сожалению, восточный разряд в 1885 г. был переведен в Петербург, и казанское востоковедение перешло преимущественно в руки православных миссионеров. В конце XVIII—первой половине XIX веков начинается сотрудничество татар в русских образовательных заведениях, включая Казанский университет. Преподаватели-татары выступают в функциях издателей памятников тюркской литературы, авторов словарей и учебных пособий по татарскому языку. Вместе с тем им не удалось оказать реального влияния на мусульманское образование.

На протяжении данного периода Казань оставалась основным центром среднего и высшего русскоязычного образования для татар. В 1834—1865 гг. Первую Казанскую гимназию закончило 22 мусульманина. В Казанском университете в 1840—1860 гг. обучался только 31 мусульманин. Почти все выпускники стали лекарями башкирских кавалерийских частей. Из всех учившихся в Казанском университете в это двадцатилетие получил известность только муфтий с 1889 г. Мухаммедъяр Султанов. Показателен и тот факт, что татары Поволжья не могли вообще обучаться в университете. Таким образом, выпускники русской средней и высшей школы в дореформенный период не сформировали особой группы национальной элиты. Их влияние ограничивалось спецификой профессиональной деятельности, а также малочисленностью.

В 1860-е гг. в Казани появился Ш. Марджани — историк-исламовед, чьи труды до сих пор не утратили своей актуальности и стали

основополагающими для анализа истории татарского этноса. В 1900г. улем Р. Фахретдин охарактеризовал труды Марджани “Мустафад аль-ахбар” и “Вафийат аль-аслаф” как примеры истинного понимания истории, подобно трудам имама Бухари, Ибн аль-Асира, Ибн Халдуна и Макризи. Он сравнивал Марджани с такими великими богословами, как Дж. Афгани и М. Абдо. Р. Фахретдин утверждал: “Самый трудной объект для изменения — это вопросы религии, вопросы так или иначе связанные с Шариатом”. Историк и политолог Ю. Акчура писал: “Шигабутдин Марджани для начавшегося в нашем веке движения “таджаддуд” (реформации) — самый великий предшественник (Precurseur)”. Казый Р. Ибрагим оценил Ш. Марджани, прежде всего как создателя истории татарских государств. Историк Хади Атласи в его реформе увидел основу для реформ в политической, экономической и культурной жизни. Дж. Афгани рассматривал себя в определенной степени как исламского Лютера и считал, что “религиозная реформа была единственным способом для проведения материальной реформы и самоусиления Исламского мира”. Именно под таким углом зрения Акчура, Биги, Атласи и Тарджемани рассматривали значение деятельности Марджани для татарского мира. В нем видели прежде всего религиозного реформатора, предшественника джадидов, их соратника, человека, создавшего исламскую догматическую базу для современных преобразований, но не светского деятеля национального европейского типа.

Г. Губайдуллин уже в 1926г. так просуммировал отношение мусульманского общества к Марджани: “известен в мусульманском мире как реформатор и богослов, но он не мало трудился в области теории истории и истории ислама в Средней Азии, и, в особенности, в области истории восточно-европейских тюрко-татар”.

Г. Сагди считал, что, несмотря на сопротивление баев и улемов, Марджани создал “сильное идеологическое оружие”. Его преемниками Г. Сагди называл таких улемов-реформаторов, как Р. Ибрагим, Р. Фахретдин, Г. Баруди, М. Биги и З. Камали.

Основная заслуга Ш. Марджани заключалась в том, что он создал основы татарской науки, как автономной отрасли знаний, обладающей своей методологией и системой доказательств. В отличие от калама, основывавшегося прежде на спекулятивном знании, Ш. Марджани стремился к логическому обоснованию и аргументации своих

выводов на основе практики. Ученый в совершенстве овладел абстрактным понятийным аппаратом и научным инструментарием мусульманского мира. Он считал только арабский язык приспособленным для ведения богословских дискуссий. Ш. Марджани заявлял, что тюркский язык еще недостаточно разработан и в нем отсутствуют необходимые научные термины. В 1850г. в 32 года ученый стал имамом и мударрисом 1-го прихода Казани. Ему суждено было вдохнуть Новую жизнь, жизнь духовную, в бывшую столицу казанских ханов, а тогда — столицу экономическую. Именно с Ш. Марджани начинается история Казани как духовной столицы татар. Его последователи и исследователи особо отмечали независимый характер великого ученого. До этого все городские медресе находились под патронажем одного конкретного бая, фактического хозяина махаллы, который вмешивался и в их внутреннюю жизнь. Ш. Марджани впервые удалось создать классический тип медресе, в котором мударрис являлся абсолютно самостоятельной фигурой. Вместе с тем Ш. Марджани отказался от другого способа подчинения себе. Формально будучи шейхом, он отказался брать мюридов. Таким образом, Ш. Марджани действительно создал новый тип взаимоотношений между мударрисом и главою прихода и между учителем и учениками. Он создал на базе медресе мутаваллият (совет общины) и получил санкцию на его существование в Духовном Собрании, то есть вывел медресе из-под подчинения конкретному баю. Это был первый случай такого рода в Казани.

Несмотря на сопротивление почти всех казанских мулл и ряда баев, Ш. Марджани реформировал свое медресе, где основное внимание уделялось изучению Корана, хадисов, истории Ислама, жизни Мухаммада (сира), философии, риторики, морали и права.

В 1860-е гг., в условиях буржуазных реформ в России, Ш. Марджани и его ученик Хусаин Фаизхани выступили с проектом создания группы светской татарской элиты и духовенства, обладающей основами современных научных знаний. Смерть муфтия Габдулвахиды Сулейманова в 1862г. создала вакуум власти среди мусульман миллета Оренбургского Духовного Собрания и предоставила потенциальную возможность для реформ. Ш. Марджани стремился занять пост муфтия. В таком случае проект медресе являлся одной из составляющих реформы Духовного Собрания. По первому проекту

Х. Фаизхани 1862-1863гг. предусматривалось создание 10-ти классного медресе. Х. Фаизхани писал, что “европейским языкам, географии, медицине и естествознанию обучаются на русском языке, а остальным предметам — на тюркском”. В медресе должны были преподаваться мусульманская юриспруденция и арабская филология. В начальных классах предполагалось обучение тюркскому, персидскому, арабскому и русскому языкам, географии и геометрии. Затем медресе делилось на два отделения. Учащиеся духовного отделения изучали тафсир, хадисы и медицину до уровня фельдшеров и становились муллами без сдачи экзамена в Духовном Собрании. Вторая группа должна была получать образование по образцу русской гимназии и иметь право поступления в университет. Х. Фаизхани писал, что “после выхода из университета эти шакирды, сердца которых озарены лучом ислама, а сами воспитаны в духе мусульманского благочестия, могли бы оказать большую заслугу мусульманам”.

Так как проект Х. Фаизхани не был осуществлен, но правительство все-таки создало светское учебное заведение для подготовки мусульманской интеллигенции в Казани — Казанскую Татарскую Учительскую школу в 1876г., то Ш. Марджани занял в ней место преподавателя Ислама. Его деятельность в качестве вероучителя в КТУШ вызвала протесты практически всего мусульманского населения Казани. Фактически только санкционирование им, в качестве ахуна Казани, мусульманского характера КТУШ давало возможность для поступления и обучения там мусульман. Ш. Марджани говорил: “Я хожу в Школу для того, чтобы воодушевлять учеников. Правда, что мы были причиной открытия этой школы, но наше предложение было другим. В свое время правительственные чиновники обещали нам, что в Школу будут приниматься только шакирды, достигшие уровня изучения “Таузыйха” и “Муллы Джаллала” и потом они будут выполнять обязанности имамов”. Ш. Марджани был противником параллельного существования министерской школы и мектеба и стремился к их объединению в лице мударриса и учителя одновременно.

Ученый создал первую документальную картину истории булгаро-татарских государств, органов самоуправления, основных населенных пунктов, мечетей и улемов. Ш. Марджани стремился объединить в единый татарский миллет-нацию всех мусульман округа

Оренбургского Духовного Собрания независимо от их племенных различий. Татарская нация — миллет обозначала у Ш. Марджани самоназвание религиозной общины, сложившейся в составе предыдущих тюркских государств на территории ныне Европейской России и Сибири.

Никогда ранее и никогда потом в татарской истории не было историка, оперировавшего столь широким объемом источников, зачастую нам уже недоступных. Марджани охватил своими изысканиями большую часть территории этноса казанских татар, тем самым впервые создав общенациональную историю.

Основным историческим трудом Ш. Марджани является шеститомная биографическая хроника “Вафийат аль-аслаф ва тахийат аль-ахлаф” (“Подробное о предшественниках и приветствие потомкам”). Она представляет собой одновременно единственный труд классической мусульманской историографии у татар и работу, содержащую биографии татарских правителей и улемов. Если “Вафийат” носит во многом компилятивный характер, то в “Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар” (“Собрание полезных сведений о делах Казани и Булгара”) у Ш. Марджани в истории татар видно доскональное знание местного материала. Таким образом, исследуя историю Казани и Заказанья, он закладывает и основу истории региона. Для Ш. Марджани значение прошлого определяется его результатами в настоящем. Второй том “Мустафад” основывается на документах, описывающих деятельность предшественников современных Ш. Марджани деятелей. Труды ученого фактически представляют уникальный справочник по духовной жизни татарского мира, позволяющий получить информацию о сложнейшем характере учебных, имущественных, родственных отношений, связывавших татарское духовенство между собой и с мурзами-землевладельцами и буржуазией.

Гениальность Ш. Марджани заключается в том, что он сумел соединить в одно целое и общемусульманскую историю, и историю казанских татар. Описание подъема общественной и культурной жизни татар на началах частной инициативы конкретных лиц, в отсутствие собственной государственности, является величайшей заслугой Ш. Марджани. Эта модель была в дальнейшем развита и И. Гаспринским, начиная с его статьи “Русское мусульманство”.

В отличие от И. Гаспринского и джадидов, Ш. Марджани никогда не стремился создать всеобщую начальную школу. Он ставил своей целью образование национальной элиты. При этом, с точки зрения Ш. Марджани, такого рода элита должна была обладать высоким уровнем знаний в исламской догматике. Если джадиды выдвигали идею создания преимущественно светской нации по европейскому образцу, то он был сторонником создания миллета по классическому мусульманскому образцу. Если И. Гаспринский рассматривал светскую интеллигенцию как основную группу национальной элиты, то Ш. Марджани такую роль отводил духовенству. Идеи гражданского равноправия мусульман, признание их обязанностей перед российским государством, овладение русским языком и основами знаний о российском законодательстве, обучение мусульманской элиты в правительственных учебных заведениях объединяют Ш. Марджани и И. Гаспринского.

Для Ш. Марджани татарский мир в религиозном отношении оставался частью “дар уль-Ислам”, одновременно являясь частью российского государства. Учёный понимал истинное знание, как идущее от двух источников: от Бога и от практических исследований. Он обосновал возможность нововведений в мусульманском мире, как происходящих по воле Бога.

Механизм изменения статуса мусульман до достижения гражданского равноправия Ш. Марджани, как и позднее джадиды, видел в овладении ими основ гражданской культуры, светских наук и изучении языка администрации. При этом реформа касалась общественных учреждений, включая приобретение автономии Духовным Собранием, но не затрагивала исламскую догматику.

Начало российской историографии общественного движения татар было положено работами миссионеров, анализировавших развитие Ислама, европейского образования и общественного движения татар. Начало этой традиции было дано в 1870—1890-х гг. в трудах Н. И. Ильминского, стремившегося не допустить прогресса и консолидации мусульман России.

В 1900—1908 гг. выходит в свет биобиблиографическая хроника казья Р. Фахретдина “Асар” (“Следы”). Она была создана на основе архива Духовного Собрания и целого ряда других источников. Хроника содержит более шестисот биографий улемов Волго-Уральс-

кого региона и до сегодняшнего дня не имеет равных как по охвату использованных источников, так и по внутреннему осмыслению личностей героев. В 1906 г., после отказа муфтия М. Султанова провести реформу Духовного Соборания, Р. Фахретдин покидает пост казья и возглавляет журнал “Шура” в Оренбурге. Одновременно он создает ряд биографий философов, писателей, общественных деятелей и благотворителей, как образцов для подражания со стороны других мусульман. В “хатима” — заключительной части Р. Фахретдин давал представление об обязанностях мусульман современности. В биографии писателя Ахмада Мидхата он утверждал, что необходимы как религиозное, так и светское знания. Риза казый писал, что великие улемы Ибн Рушд, Маари, Газали, Ибн Араби и Ибн Газали трудились во имя свой нации, Родины и религии. Таким образом, наряду с традиционным исламским понятием “умма” он вводит понятие “нация”.

Феномен зарождения национального движения и формирования нации привлекает внимание его деятелей практически одновременно с зарождением самого движения. Продолжая историографическую традицию, заложенную Ш. Марджани, получившие европейское образование Ю. Акчура и Ф. Карими создают современный вид биографии национального деятеля.

На рубеже 1900-1910-х гг. в Казани вышел целый ряд исторических сочинений, посвященных тюрко-татарской истории эпохи независимости, прежде всего в форме учебников. Именно в эти годы были опубликованы труды по татарской истории Гайнетдина Ахмарова — “Болгар тарихы” (“История Булгара”) и “Казан тарихы” (“История Казани”), Хасан-Гаты Габяши — “Муфассал тарих кавме тюрки” (“Подробная история тюркского народа”) и “Мохтасар тарих кавме тюрки” (Сокращенная история тюркского народа), Заки Валиди — “Тюрек вэ татар тарихы” (“Тюркская и татарская история”) и Габдельбарри Баттала — “Тюрки-татар тарихы” (“Тюрко-татарская история”), воспевавшие могущество тюркских государств от эпохи хунну до эпохи Казанского ханства.

Первым европейским востоковедческим трудом, привлечшим широкое внимание тюркской интеллигенции, была книга Леона Коэна “Введение в историю Азии”. На основании материалов новейших открытий он выдвинул идею исторической преемственности тюрк-

ких народов. Именно из этой книги была, во многом, заимствована идея единой тюркской родины — Турана, ставшая ключевым образом сознания сторонников тюркского единства вплоть до наших дней.

По сравнению с историей Марджани, начинающей историю татар с эпохи хазар и Булгара, акцент был перенесен на более раннюю эпоху. Основное внимание концентрировалось на истории единства тюркских народов, которое существовало в доисламскую эпоху Тюркских каганатов. Вторым периодом тюркского единства была история империи Чингиз-хана.

В 1915г. Ю. Акчура также под влиянием трудов Коэна разработал следующую периодизацию тюркской истории:

- * Древний период: древняя тюркская цивилизация до монгольского завоевания.
- * Средний период: объединение тюркских народов в Империи Чингиз-хана и его преемников.
- * Новый период: государства, возникшие при распаде Империи Чингиз-хана.
- * Современный период: национальное пробуждение тюркских народов в современную эпоху.

Таким образом, основной акцент в изучении истории был сделан не на распространении Ислама среди предков татар, как в трудах улемов, включая Ш. Марджани, а на историю тюркской расы, как таковой. С истории религии внимание переключилось на историю государств, что придало науке светский характер.

Первым трудом по татарской истории, использовавшимся в качестве учебного пособия в джадидских школах, был труд Марджани “Мустафад аль-ахбар”. В 1899г. преподаватели Агрызского медресе выпускают в свет программу, где история делится на три части: история Ислама, история России и впервые — история татар. Первым преподавание тюркской истории начал Ю. Акчура в медресе “Мухаммадия” в Казани в 1904—1905гг. История тюрко-татар вошла в программу Апанаевского медресе в Казани, “Хусаиния” в Оренбурге, уфимской “Галии”.

В 1912 г. миссионеры попытались проанализировать изменения, произошедшие в национальном самосознании татар, путем рассмот-

рения их учебной литературы. Так, Н. Ф. Катанов констатировал, что новометодным “татарам нужна... история новая, основанная на точных и беспристрастных данных, какие видим только в Западной Европе”. При этом новые учебники “появляются только в новометодных школах, частично средних. Старометодисты подозрительно относятся даже к “Мустафад” и признают только историю Адама, Мухаммада и мусульманских династий”.

Я.Д.Коблов, рассматривая “Сочинения по гражданской истории”, писал, что до недавнего времени татары вполне удовлетворялись мифическими поэмами типа “Кысса-и-анбия” (“Рассказ о пророках”) Рабгузи. С 1905г. они активно пишут и переводят “труды по общей истории, истории русского государства, национальной истории казанских татар (Казанского и Болгарского царств). Наибольшее внимание вызывает история местного края, татарской национальности, Болгарского и Казанского царств”. Коблов усматривал две основных тенденции, определяющие развитие национальной истории:

1) Попытка самостоятельной научной разработки;

2) Подъем национального чувства. Причем основной целью является исследование нации, чтобы “выяснить прошлое, какое значение... имела в прежнее время, и что ожидается в будущем, наметить вехи для этого будущего, чтобы не затеряться среди других народностей и сохранить свою самостоятельность”, то есть создание концепции национальной истории.

Я. Коблов утверждал, что татары главным образом заинтересованы историей могущества мусульманских государств. Так Шакирджан Хамидуллин требовал от татар “усерднее посещать болгарские развалины... для размышления о прежнем величии Булгар и для объединения”. Он призывал к выборам муфтия из числа широко образованных людей.

Особое место в национальной традиции занимают работы, посвященные Ш. Марджани, давшие отсчет началу джадидской национальной историографической традиции. Здесь через его личность рассматривается формирование нации и ее движение к прогрессу. Сборник “Марджани” (1915) — вершина джадидской историографии, представляет собой сочетание воспоминаний о Марджани, оценок его роли в истории нации, и статей, посвященных конкретным сторонам его деятельности. Участниками сборника были Ю. Акчу-

ра, Х. Атласи, Г. Баруди, З. Валиди, Г. Губайдуллин, Х. Максуди, Р. Ибрагим, М. Рамзи, К. Тарджемани, М.-Н. Тютяри, Р. Фахретдин, Б. Шараф, Ш. Шараф и ряд других авторов.

В советский период возникает потребность в оценке истории развития нации, ее деятелей и институтов. В 1920-е гг. мы видим три направления в татарской историографии. Первое — собственно либерально-джадидское, сконцентрированное на изучении развития нации, в основном, через историю просвещения и литературы. Фундаментальную роль здесь сыграла “История татарской литературы”, созданная Газизом Губайдуллиным и Али Рахимом. В ней рассматривается история татарской литературы от рунических памятников и Орхоно-Енисейских надписей до середины XIX века. Особенностью подхода авторов является изучение литературы через призму общекультурного развития, развития общественной мысли и духовной культуры. Джамал Валиди создает “Очерки истории образованности и литературы татар”, до сегодняшнего дня наиболее целостный труд о развитии общественной мысли и духовной культуры, охватывающий историю зарождения современной татарской литературы и политической деятельности в период революции 1905—1907 гг. Второе направление — традиция правых национал-коммунистов, выступавших за автономное развитие. Виднейшими ее представителями являются Гасым Мансуров и Исхак Казаков. Эти авторы развивают тезис о единстве национального движения в вопросах культуры и образования. И. Казаков показывает историческую и экономическую закономерность развития Казани как центра Волго-Камского края. Г. Мансуров подчеркивает, что идея татарской автономии является завершением всего национального движения. Третье направление — историография татаристов-“левых”. Крупнейшей фигурой и зачинателем ее выступил Галимджан Ибрагимов.

В годы тоталитаризма прерываются традиции национального востоковедения и исламоведения, физически уничтожаются большинство специалистов. Начиная с 1960-х гг., новое поколение исследователей, несмотря на цензурные рамки, возрождает традиции казанского востоковедения. М.А. Усманов анализирует развитие татарских дипломатических и исторических источников в XIV—XVIII веках (“Жалованные грамоты Джучиева Улуса”, “Татарские исторические источники XVII—XVIII веков”). В 1976 г. выходит в свет

монография Я. Абдуллина “Татарская просветительская мысль”, где впервые после 1920-х гг. анализируется развитие татарской философской мысли и просветительства в трудах А. Курсави, Ш. Марджани и Ш. Культяси. В 1970—1990-е гг. А.Г. Каримуллин выпустил целый ряд научных трудов, посвященных развитию татарского книгопечатания от XVIII века до первых лет советского режима. М. Х. Юсупов создал анализ исторических трудов Ш. Марджани. А. Б. Халидов проанализировал развитие мусульманской рукописной книги в России.

Во второй половине 1980-х гг. в связи с либерализацией режима и подъемом национального движения происходит перенос внимания к истории Ислама в регионе, татарского общественно-политического движения начала XX века. И. Р. Тагиров концептуально раскрыл аспекты общественно-политической истории татар, типологию общественных процессов. В 1990-е гг. выходит ряд работ, посвященных развитию философской мысли татар, развитию просвещения, джадидизма, а также ряду деятелей науки и образования. Р. С. Хакимов выдвинул концепцию развития джадидизма в рамках Евроислама, то есть движения, объединившего исламские ценности с достижениями современной цивилизации. Р. А. Набиев рассмотрел взаимоотношения мусульманского духовенства и советского государства в довоенный период. Р. М. Мухаметшин дал оценку роли исламского фактора в общественном движении татар XX века. Тысячелетний опыт взаимоотношений различных народов и религий на земле Поволжья будет рождать новые попытки его осмысления.

Ислам в современных межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношениях.

Существуют свои сложившиеся традиции российского ислама, который в XIX веке прошел реформацию. Он имеет опыт сосуществования с православием и другими религиями, лоялен к российским властям, а главное — ориентирован на получение образования, восприятие культуры других народов.

Минтимер Шаймиев (2001)

Исторически сложившаяся многонациональная и многоконфессиональная российская формация, расположенная на евразийском пространстве, имеет задачу по-новому обустроить свою жизнь, исходя из интересов регионов. Одним из таких уникальных мест является Республика Татарстан, где дух толерантности и культуры сосуществования различных религий сложился более чем за тысячулетний период. Сегодняшняя религиозная палитра отражает разнообразие, сложившееся в результате взаимовлияния и взаимодействия многих государств, культур и религий.

На 1 июля 2001 г. с учетом перерегистрации ранее действовавших и впервые зарегистрированных организаций на территории Республики Татарстан в государственный реестр внесено 1126 религиозных организаций. Из них: мусульманских — 892, православных — 172 (Русская Православная церковь Московского Патриархата — 156, Истинно-Православная церковь - 12, Российская автономная Православная церковь - 1, старообрядцы - беспоповцы — 2, старообрядцы-поповцы - 1), католиков — 2, иудаистов — 4, протестантов - 51 (лютеране - 1, евангельские христиане-баптисты - 4, евангельские христиане - 11, адвентисты седьмого дня - 13, харизматы-1, новоапостольская церковь - 2, христиане веры евангельской - 16, Свидетели Иеговы —3), ахмадийя — 1, виссарионовцы — 2, бахаи —1, вайшнавы (кришнаиты) — 2.

В 2000 году верующим было передано 3 культовых здания (1 мечеть и 2 церкви), построено и отреставрировано 37 культовых зданий (31 мечеть и 6 церквей), в стадии строительства и реставрации 129 зданий (103 мечети и 26 церквей). Всего верующим за последние 11 лет (с 1989 г.) возвращено более 100 культовых зданий, включая 28 мечетей и 69 церквей. В настоящее время в пользовании и собственности религиозных организаций республики 891 мечеть и 152 церкви (по сведениям ДУМ РТ и Казанской епархии).

Государственно-конфессиональные отношения развиваются в соответствии с логикой переживаемого этапа религиозного возрождения. Их отличительной чертой является формирование новой модели взаимоотношений государства и религиозных структур. Данная модель постепенно получает свое правовое, общественно-политическое, организационное оформление. Недавно христиане всего мира отмечали 2000-летие христианства. В Республике Татарстан, кроме чисто церковных мероприятий, осуществлялась реализация специальной программы по празднованию памятных исторических дат — 2000-летия христианства и 1400-летия начала распространения ислама в России, утвержденной постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан №508 от 12 июля 2000 г.

Своеобразием последних лет явилась выработка религиозными организациями документов, в которых получили отражение наиболее актуальные вопросы их взаимоотношений с государством, обществом в целом. (“Основы социальной концепции Русской православной церкви” и “Основы социальной программы российских мусульман”, принятые Советом муфтиев России.). Потребности развития общественных отношений вызвали научный интерес к созданию проектов концепции государственно-конфессиональных отношениях. Конечно, государственная позиция в вопросах места и роли традиционных религий, новых и традиционных направлений в светской и демократической федерации должна быть четко и стратегически определена.

В феврале 1998 г. достигнуто организационное единство мусульман РТ и создан единый централизованный орган в лице Духовного Управления Мусульман Республики Татарстан. Основной тенденцией данного периода является утверждение внутриконфессиональной стабильности и складывание мусульманских институтов, что значительно облегчает взаимодействие государственных органов с мусульманским духовенством, а также упорядочивает работу внутри самих мусульманских религиозных организаций, входящих в структуру ДУМ РТ. В ДУМ РТ 8 отделов: учебный, научный, статистический, пропаганды и призыва, архитектуры, вакуфов, пресс-центр, международных связей, имеются 45 мухтасибатов. Религиозно-судебную власть ДУМ РТ осуществляют главный казы и находящиеся в его подчинении районные казы в Центральном, Восточном, Юго-восточном, Юго-западном, Северном, Южном казиятах. Казанский муфтият, зарегистрированный в Министерстве юстиции РФ, большой активности не проявляет, хотя в условиях организационного раскола мусульман России (более 40 муфтиятов и общероссийских центров) имеет привлекательность для многих мусульманских организаций.

Возрожденческие процессы в мусульманской умме не всегда проходят спокойно. На этом фоне особенно живучей является проблема распространения различных радикальных течений, прикрывающихся маской ислама и подрывающих устои традиционного ислама. Особенно актуальной стала проблема распространения в России идей ваххабизма, их использования для подрыва религиозных и национальных традиций, борьбы с органами государственной власти. Проблема распространения этих течений неразрывно связана с подготовкой кадров духовенства и особенно тех, кто получает религиозное образование за рубежом. Для спокойного духовного развития России, в особенности в регионах традиционного распространения ислама, проводится политика возрождения и развития национально-религиозных традиций, которые выработаны многими поколениями.

В республике имеется достаточно высокий научный потенциал, чтобы адекватно оценить попытки возрождения отживших или чуждых для татарского ислама организационных форм.

В республике действует 8 профессиональных религиозных учебных заведений разного уровня. В Казани действует Российский исламский университет, призванный готовить почву для “высокого”, интеллектуального ислама. Остается нерешенным вопрос получения шакирдами РИУ, наряду с высшим религиозным образованием, светских специальностей (например, преподаватель арабского языка, юрист, экономист и др.) Поскольку университет готовит специалистов для всех регионов России, необходимо содействие федеральных структур для привлечения финансовой поддержки. В профессиональных религиозных учебных заведениях республики задействовано 108 преподавателей, и обучается на различных формах обучения 1373 шакирда. По данным ДУМ РТ, 10% общин обеспечено подготовленными имамами. С целью возрождения лучших традиций татарского общества всем профессиональным медресе Советом были предложены проекты создания попечительских советов учредителей.

С 2000-2001 учебного года обучение в профессиональных медресе стало вестись по типовым программам, разработанным ДУМ РТ, при содействии Совета по делам религий, для каждого уровня, включающим в себя помимо религиозных предметов обширный блок светских дисциплин.

Православие в республике представлено приходами Казанской епархии РПЦ, Казанско-Марийской митрополии ИПЦ, старообрядцев, общиной в составе Российской православной автономной церкви.

В последние годы стабилизируется динамика роста православных приходов Казанской епархии Русской Православной церкви (на уровне 8 — 9 новых общин). Резервы роста религиозных общин имеются в крупных городах (“спальных районах” Казани, Набережных Челнов). Епархия не в состоянии осуществлять строительство и реставрацию без спонсорской поддержки. В 1999 году в 9-м микрорайоне Казани открылась церковь Умиления Божьей Матери - первый объект православного комплекса Серафима Саровского. Для решения проблемы подготовки кадров свя-

щеннослужителей Епархиальное управление одним из важнейших направлений деятельности избрало образование.

В 1997 году в Казани было открыто духовное училище, которое в 1998 г. было преобразовано в духовную семинарию. В 2000-м г. оно успешно прошло лицензирование Министерства образования РФ по специальности “бакалавр богословия”. В планах епархии дальнейшая реорганизация семинарии в академию, для этого ведется строительство дополнительного учебного корпуса.

Вторым высшим профессиональным образовательным учреждением стал филиал Московского Свято-Тихоновского богословского института. Здесь предлагается широкий спектр образовательных услуг: богословско-пастырские, катехизаторские, церковное пение, иностранные языки, церковно-художественные.

Следует отметить активизацию деятельности по религиозному воспитанию детей и юношества. Лидером данного движения является общественно-благотворительный фонд духовно-нравственного развития детей и молодежи РТ в лоне православной церкви - “Ковчег”. Руководитель — монахиня Мария. В настоящее время в республике действует более 10 православно-образовательных центров. Помимо этого работают курсы подготовки православных педагогов.

В ряде церквей службы ведутся не только на церковнославянском языке. Так, в кряшенском приходе при Тихвинской церкви и чувашском при церкви Параскевы Пятницы г.Казани богослужения проходят на родном языке прихожан.

С 1989 г. по 2000г. православным общинам передано 69 культовых зданий. Из них в Казани — 23.

Старообрядчество

Традиции старообрядчества на территории республики продолжают общины (в гг. Казани и Чистополе) Древнеправославно-кафолического Старопоморского Соглашения (беспоповцы) и Русской Православной Старообрядческой церкви (поповцы). В г. Казани в пользовании беспоповцев находится молитвенный дом по ул. Межлаука, 28, в 2000-м. г. полностью переданный верующим. Поповцы имеют два храма: Покровскую церковь и Казанско-Богородицкую церковь. В 2001 году зарегистрирована Казанско-

кая и Вятская епархия (с центром в Казани) Русской Православной Старообрядческой церкви.

Истинно-Православная Церковь

В 1998 г. Государственной регистрационной палатой при Минюсте РФ зарегистрирована Казанская митрополия ИПЦ. Руководителем новоявленной структуры является архиепископ Александр (бывший руководитель Казанско-Марийской епархии Российской православной свободной церкви). Зарегистрировано 12 приходов.

Российская православная автономная церковь

В с. Ключищи Верхнеуслонского района имеется община в составе Суздальской епархии Российской Православной Автономной Церкви.

Стабильно и устойчиво положение католиков, иудаистов в республике.

В республике действуют 2 католические общины в Казани и Набережных Челнах. Большая католическая община в Казани действовала еще до революции. В декабре 1996 года католической общине была передана часовня на Арском кладбище, в настоящее время реставрационные работы там практически завершены. Администрацией г. Казани в октябре 2000 г. католической общине города был выделен земельный участок в центре города, на ул. Островского, под строительство храма. Католики активно занимаются и социальным служением, зарегистрирована благотворительная организация “Каритас”.

Казанская и Набережночелнинская общины католиков в духовно-организационном плане входят в Римско-католическую апостольскую администрацию для католиков латинского обряда юга Европейской части России.

Иудейская община г. Казани с перерывами действует с 1897 года. В 1997 году общине было передано здание синагоги, в кото-

рой уже практически завершены реставрационные работы, большей частью финансируемые еврейскими фондами и благотворительными обществами. В общине ведется большая культурная и благотворительная деятельность: работают воскресные школы, клубы по интересам, различные творческие коллективы. Собирают большую аудиторию праздники “Ханука”, “Пурим” и другие, проводимые в центральных концертных залах столицы. Вторая община действует в Набережных Челнах, собственного помещения не имеет, практически вся деятельность сводится к культурно-просветительской работе в рамках национального общества. Обе общины входят в новообразованную Федерацию еврейских общин России (ФЕОР), объединяющую евреев — хасидов “Хаббад-Любавич”. Раввином общин в республике является гражданин Израиля И. Горелик.

В республике широко представлены различные протестантские направления (лютеране, евангельские христиане - баптисты, евангельские христиане, христиане веры евангельской (пятидесятники), адвентисты седьмого дня, новоапостольская церковь). Особое место занимает лютеранские общины в гг. Казани и Набережных Челнах, возникшие на базе немецких национально-культурных обществ. Здание казанской лютеранской кирхи, переданное в 1997 г., находится в состоянии реставрации. Основной акцент в деятельности общин делается на национально-культурную работу.

В 2000 г. были созданы централизованные организации евангельских христиан - баптистов (фактическим лидером стала Казанская церковь “Путь спасения”, действует с начала XX века) и христиан веры евангельской - пятидесятников (в центре Набережночелнинская церковь “Авен-Езер”).

В Республике Татарстан представлены и новые религиозные движения (ахмадия, бахаи, Церковь последнего Завета (византизм), сахаджа-йога, вайшнавизм (кришнаиты), саентологи и др.) в основном в Казани, Набережных Челнах, Альметьевске и Нижнекамске.

Причины возникновения новых религиозных движений идентичны во всем мире: идеологический кризис, “неповоротливость” традиционных конфессий, вступление в постиндустриальную фазу общественного развития. Условия молодых городов (Набережные Челны, Нижнекамск) — отсутствие традиций, осложненное проблемами экономического и социального характера, также способствуют возникновению новых движений именно в этих городах. Условно новые религиозные движения можно разделить на следующие группы: восточного происхождения, западного происхождения, имеющие российские корни и интерконфессиональные (представляющие синтез различных конфессий и культур).

Совет по делам религий осуществляет свою деятельность в постоянном контакте с Аппаратом Президента РТ, Советом безопасности, Государственной регистрационной палатой при Министерстве юстиции РТ, силовыми ведомствами, министерствами культуры, образования, здравоохранения, администрациями городов и районов республики. Идет постоянный обмен информацией. Советом по делам религий в 2000 году был организован и проведен ряд совещаний по актуальным проблемам в городах: Набережные Челны, Нижнекамске, Альметьевске, Заинске, Лениногорске, Буинске, Кукморе, Нурлатском и Балтасинском районах и др. Сотрудники Совета 36 раз выезжали в города и районы республики, было прочитано более 50 лекций в различных учреждениях республики. В адрес Совета поступило 409 обращений, запросов, писем граждан, государственных, общественных организаций. Аппаратом Совета в течение прошлого года было принято 417 посетителей. В течение года в Совете были приняты представители мусульманских организаций из Египта, Кувейта, Турции и других стран, руководства церкви мормонов, руководитель управленческого центра Свидетелей Иеговы (в России и странах СНГ) В. М. Калинин, председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин, главный раввин России Берл Лазар, апостольский администратор юга европейской части России для католиков латинского обряда епископ Клеменс Пиккель, представитель Вати-

кана Томас Мишель, председатель Госкомитета Республики Беларусь по делам религий и национальностей А. Н. Билык и др.

В течение года регулярной является информационная, аналитическая, экспертная работа, подготовка религиозно-правовых заключений. В связи с работой по приведению в соответствие законов РТ и РФ задерживается утверждение экспертного Совета, соответственно акцент делается на религиозно-правовых заключениях.

В 2001 г. был подготовлен и издан словарь-справочник “Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения” на русском и татарском языках. Это 8-ой выпуск в серии “Культура, религия и общество”. В 2000 г. были изданы материалы международной конференции “Муса Бигиев: наследие и современность”. При участии Совета по делам религий были изданы альбомы: “Мечети Татарстана” и “Православные храмы Татарстана”.

16-17 ноября 2000 г. Советом по делам религий совместно с институтом истории АН РТ, Казанской епархией РПЦ и ДУМ РТ была проведена международная научно-практическая конференция “Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий”. Этот представительный форум собрал участников из многих городов России, Германии, Италии, Израиля, Турции, Египта и представителей Московской Патриархии, Ватикана, Совета муфтиев России, евангелическо-лютеранской церкви и др. В 2001 г. были изданы материалы данной конференции.

1990-е гг. стали для Татарстана периодом небывалой религиозной свободы, сравнимой только с периодом между революциями 1917 г. Массовое открытие учебных заведений и мечетей, издание религиозной литературы, обучение за рубежом и приезд религиозных преподавателей из других государств по своей динамике не имеют аналогов в любом другом периоде. Однако наряду с расцветом ислама неизбежно проявились и болезни роста, прежде всего связанные с нехваткой специалистов в области догматики и религиозного образования. Поэтому не могли возникнуть стремления консервировать ислам на уровне отдельных сельских общин по примеру советского периода или заимствовать иностранные образцы. В свое время джадидизм одержал победу именно благодаря союзу улемов, светской интеллигенции и буржуа-

зии. Условия для такого процесса в современности складываются лишь постепенно. Свою роль играет и медленное формирование структур гражданского общества, слабость традиций гражданской культуры в России. Однако тысячелетняя традиция сосуществования народов и религий в рамках совместных государств, начиная с эпохи Золотой Орды, определяют сознание как политиков, так и простых граждан. Модернизация Ислама в конце прошедшего и в начале этого тысячелетия оказала влияние на татар, но они взяли из нее прежде всего принципы освоения современных образцов науки и культуры и гражданских институтов. Последнее десятилетие мало что изменило в этом отношении. Татарстан и его столица Казань остаются местами, где отсутствуют межрелигиозные конфликты и люди воспринимают мозаику культур, как часть своей повседневной жизни.

Islam in Tatarstan: Experience of tolerance and culture of co-existence

Series: Culture, religion and society.
Release 9.

Under the general edition of Prof. Nabiev R.A.

Kazan - 2002

Compiled by R.A.Nabiev, Gosman-khazrat Ischakov,
A.Yu. Khabutdinov.

Revised by M.A.Usmanov, R.M.Muhammetshin.

Translated by M. Bagirova, A.Khabutdinov, A.Yakupova.

Islam in Tatarstan: Experience of tolerance and culture of co-existence.
Kazan, 2002.

© Council on affairs of Religions
in the Cabinet of Ministers of
Republic Tatarstan, 2002.
© A.A.Jouravlev.

The foreword

It developed historically so, that the territory of Tatarstan became a place of contact of two civilizations — Moslem and Orthodox-Christian and unique region of coexistence of Turkic and Slavonic cultures. For years of peaceful co-existence peoples professing different religions, have learned toleration, have brought up in themselves aspiration to learn and respect culture of the neighbour, and the most valuable - to have the peace and rest in the house.

Since X century, the Islam of Sunni Abu Hanifa mazhab was voluntary accepted by Bulgars, and became official religion in Volga Bulgaria. It developed in the Golden Horde, especially in the times of Uzbek-khan. Islam suffered many difficulties when Kazan was incorporated into the Russian state. But after the adoption of Tolerance Act signed by Empress Catherine II the epoch of Moslem Renaissance began.

In XIX century the religious movement named Jadidism (“al-jadid” means “new” in Arabic) emerged in Tatar society. It meant the reformation movement in Islam in the Volga region, and corresponded to the political and economic conditions emerging in the Tatar society at the turn of centuries. Jadids met with a range of problems which repeat in our time on a large extent, albeit on another level. They have posed a question about a role of traditions in a rapidly changing world and searched for answers in Islam itself.

The prophet Muhammad told that Allah will send a man for umma for the renewal of religion at the beginning of every century. Such a men emerged among the Tatars. Such Tatar thinkers as Abu-Nasr Kursavi, Shihabeddin Mardzhani, Galimjan Barudi, Ziya Kamali, Riza Fahretdin, Musa Bigi formed a cohort of theologians who gave new understanding of many of the Koran suras according to the needs of time.

The Tatars according to the geographic and political conditions found themselves on the periphery of the Muslim world. They were forced to survive in difficult conditions and count only on their own

forces. It led to the peculiarities of Islam in Russia. As a fact we can speak about a model of Islamic subcivilization, created by Tatars.

Jadids answered to the demands of epoch by proclamation of Tatar culture's openness towards the ideas and values of European civilization. At the same time they posed the question of education of people in the center of their activities, taking into example the most progressive education methods. They have put into the focus the role of personality and gave their understanding of ijthad (the free thinking) category, developed a theory of total blessing of Allah, which is absolutely tolerant according to its principles. At the same time Jadids did not create a new sect in Islam but adopted its main dogmas.

The heritage of Jadids remain to be the great achievement of not only Tatars, but the whole Islamic world as well. This heritage is being actively used nowadays. The works of Tatar ulems became the foundation for teaching in the Russian Islamic university, called to prepare highly skilled experts in the field of religion. Kazan under the right has all bases to return the former glory of the spiritual center of Moslems of Russia.

The offered publication contains a summary of stages of development and studying of destinies of an Islam in region, its tolerant essence in a history of mutual relations of religions and cultures. This experience of Tatarstan is rather important during arrangement of Russia as secular democratic federative state.

*The state counselor on political affairs
under the President of Republic of Tatarstan,
Director of Institute of History of Academy
of Sciences of Tatarstan Rafael Khakinov.*

Religion and the state in the Middle Volga region: Policy of tolerance and polyconfessionality.

*Had Allah pleased, He could have made you one nation:
but it is His wish to prove you by that which He
has bestowed upon you. Vie with each other in good works.
(The Koran. 5.:53. The Table.:
Translation by N. J. Dawood).*

The nature of Islam allowed it to absorb in itself healthy local traditions if they, certainly, essentially did not contradict the basic canons of religion and corresponded to requirements of time. Due to the transformation of Muslim civilization occurred in concrete polyethnic region, it defined new borders of the susceptibility and turned out a creative potential of development in other conditions. In the East Europe several independent centres of Muslim culture are formed. One of them is the Islam in the Volga region.

The process of distribution and statement of Islam in the territory of present Russia lasted more than a millenium. In historical science for the last years discussion about time of acceptance of Islam in the territories of Russia has been developed. A number of researchers of the Institute of history of Academy of Sciences of Tatarstan under R.S.Hakimov's management connect this process with wars which were led by Arabs in Transcaucasia and Northern Caucasus, including Derbent, Balanjar and other places. At this particular time, i.e. not later than the 40-s years of the VIIth.century A. D., the Arabian soldiers - Moslems promoted the beginning of distribution of Islam in the territory of modern Russia. There are some facts which carry the beginning of distribution of Islam in Northern Caucasus to the time of ruling of caliphs Umar (13-23 H. /634-644 A. D.) and Usman (23-36 h. /644-656 A. D.) or Umayya caliphs (41-133 H. / 661-750 A. D.).

Therefore, the beginning of distribution of Islam in Russia has more than a 1300-years history of existence. This point of view is based on

the dated information about campaigns of Arabs to Derbent, undertaken during the reign of Umayyad (for example, the first campaigns of the Umayyad military leaders and deputies concern to 89 H. /707-708 A.D., 91 H. /709-710 A. D., 95 H. /713-714 A. D., 103 H. /721-722 A.D.). In Khazar Khanate, where Bulgars constituted a significant part of the population, Islam began to be distributed from the year of 737 A. D. This event is connected with the activity of Arab commander Mervan ibn Muhammad, who finally joined Transcaucasia (including the grounds of modern Dagestan) to Arabian caliphate and subdued the Hazar Khanate with the capital 'Itil' on the Lower Volga located in the north. In opinion of scientists of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences, this date is the most real. Having started its first steps in Dagestan in the middle of the 7th. c. A. D., Islam gradually expanded the area of its influence.

In the Volga Bulgaria Islam was officially accepted in 922 A. D.. Researchers are unanimous that the part of Volga Bulgars professed Islam long before it. Under certificates of Ibn Rousteh (913) and Ibn Phadlan (922), in their settlements mosques with elementary schools at them were the usual phenomenon.

The Volga Bulgaria begins gradually to get features of the typical Muslim state. The Sheriyat replaces the Turkic common law, jami mosques are built in cities, mektebs and medreses are opened; Bulgar ulema improve the education in the large centres of the Muslim world in the cities of Central Asia, Iran, Iraq. Golden Horde with acceptance of Islam during khan Uzbek (1312-1343) also turned to the Muslim state. The Process of distribution of Islam in the Lower Volga region, in Urals region, in Siberia amplifies at this particular time.

Kazan Khanate (1437-1552) represented an example of the Muslim settled state. Liquidation of Khanate by Ivan IV. besides other things meant the destruction of the Muslim urban civilization in the Volga region. In Kazan Khanate, similarly to other Muslim states, the basic property spent on the religious and charitable purposes (vakfs), placed in cities was confiscated by conquerors. Medreses and jami mosques stopped working. The supreme clergy in the person of sayyids (descendants of the prophet), qazis (judges of city districts) and mudarrises (instructors in medrese) stopped existing. The last vakfs in

countryside were finally liquidated with the class of Tatar feudal lords at the beginning of the XVIII th. c.

From the middle of the XVI th. up to the middle of the XVIII th.cc. the Russian state pursued a policy of forced conversion of all not orthodox population of former Khanate (officially it was stopped in 1773 on the basis of the Tolerance Act issued by the Holy Synod). In 1788 the legal status of Islam in Russia was determined, and Moslems have received a limited religious autonomy on the behalf of Orenburg Moslem Spiritual Assembly (OMSA). All Moslems of Russia fell under its jurisdiction, except Moslems of former Crimean Khanate.

Therefore, more than two centuries the resistance of the Turco-Tatar population to a policy of forced conversion did not stop. Aggressive activity of missionaries, especially of "Novokreschenskaya Kontora" ("Offices for newly converted") led by Luka Konashevich, humiliating restrictions for Islam caused indignation and excitements among Moslems. This counteraction did not have an organizational centre, and it could not declare itself in those conditions as a uniform religious community of Moslems of Russia. Abizes or preservers of holy Koran were keepers of Islamic tradition. They kept Muslim traditions in the Tatar world though they had usually minimal knowledge in the field of Islamic dogma.

In the second half of the XVIII th. c. when the formed elite of the Russian Moslems aspired to achievement of the centralized religious autonomy, it did not accept existence of the isolated Muslim community. Thus the idea of revival of the Muslim state was estimated by its representatives, as obviously unrealistic.

At an initial stage of development the Muslim Tatar society of the European part of Russia and Siberia was allocated by the Russian state in the form of Spiritual Assembly close to millet. Millet is the form of religious self-management using a common law, especially in relation of such factors of personal status as marriage, divorce and property share. Maintenance of dogmatic unity of Moslems of district of the Orenburg Moslem Spiritual Assembly, distribution of mosques and schools in all its territory, unification of the Tatar language as official language of Assembly have put in pawn bases for folding an ethnic generality of Tatars on the basis of its millet members. At the same time the clergy had no system of financing, no property (vakfs), no

system of gathering the tax (zakat), no monitoring system above position on places. The Muslim clergy was not separated into special exclusive class.

In the first half of the XIX th. c. there existed two forms of opposition to official Spiritual Assembly: a system form, submitted by rationalist ulems such as A.-N. Kursavi and Sh. Mardzhani, and a stand-alone form in the person of abizes. A.-N. Kursavi, Sh. Mardzhani became founders of religious reformation not only for Tatars, but also for all Turkic Muslim East. The known scientist A. Bennigsen wrote about Tatar religious reformers, that they “were one of the first Muslim thinkers, who much earlier than Arabs, Turks, Iranians and Hindus declared the right of each believer to search in the Koran and Hadith the answer to all questions of the political, social and religious order. Their influence on development of reformatory movement not only in Russia, but also in all the Muslim world, was completely exclusive on importance. Due to their activity poorly known in the West and ignored by Muslim historians, Islam has ceased to be an obstacle to progress, and the way to reforms in other areas has been cleaned: language, education and political institutions”.

Reformers aspired to bring traditional outlook in accordance to requirements of the epoch. They tried to combine stereotypes of public consciousness with secular approaches to the decision of vital problems. They focused believers on rational knowledge of the world, on the active attitude to life, aspired to make accessible all new, authorizing its tradition. Having put a human being in the centre of divinity, thus reformers kept religion as a basis of spirituality, as the important element of cultural, ideological, political life of the Tatar society.

Sh. Mardzhani (1818-1889) was a modernizer of Islam tradition and a reformer of Islamic education. He aspired to formation of national elite led by clergy. Sh. Mardzhani was the supporter of creation of millet on a classical Muslim pattern. Ideas of civil equality of Moslems, a recognition of their duties before the Russian state, mastering Russian and bases of knowledge of the Russian legislation, training of Muslim elite in the governmental educational institutions unite ideas of S. Mardzhani with those of I. Gaspraly. Projects on Mardzhani's reforms included establishment of autonomy by Spiritual Assembly, but did not mention the reform of Islamic dogma. Unlike such ulems as G. Utyz-

Imjani (al-Bulgari), Vaisis and traditionalists, Sh. Mardzhani was the supporter of the certain degree of integration Muslim Tatar millet in structures of the Russian state. His purpose to hold a post of mufti is the most vivid example of his civil position. Sh. Mardzhani theoretically and practically solved the problem of preservation of Muslim identity by simultaneous consideration of Moslems of Russia as citizens of the Russian state and subjects of global development. Thus he actually laid bases of the Tatar identity of Jadid epoch.

Innovative ideas of the Tatar thinkers could not render themselves any appreciable influence on mass consciousness of Tatars. The ideas formulated by A.-N. Kursavi and other thinkers in the late the XVIII th. — early the XIX th. cc., remained in sphere of interests of mainly small part of medrese students and ulems practically up to the end of the XIX th. century. Only with appearance of Jadid medreses and the first periodicals, such as “Tarjeman” newspaper edited by I. Gaspraly (1883), preconditions for perception of religious - reformist ideas by Moslem society were appeared.

Bourgeois reforms in Russia, begun in 1860-s, and then a national policy of Alexander III. put problems of creation of a generality of a new type, that is the nation, before the Tatar elite. Already at the beginning of 1910-s Jadidism was considered by its leaders as creation of nations of Moslems of Russia on the example of the European nations.

In 1870-1880-s the Tatar society experiences a stage of appearance of the first representatives of national secular intelligency and acquaintance with Russian, European and Turkish literatures, and also with theories of modernizers of Islam (especially Djamal ad-din al-Afghani and Muhammed ‘Abduh). In the second half of the XIX th. c. the influence and activities of Sufi Nakshbandiya order became stronger. The Orenburg Moslem Spiritual Assembly, remained a single official national institute, did not undergo any changes. The Tatar elite came to understanding of necessity of reforming of education on European examples, but on the basis of national and Muslim school. Ideas of national secular school, publishing a national newspaper as an intermediary between the nation and the government and mass secular publishing were logic continuation of ideas of Muslim mekteb, religious propagation and edition of religious literature. The majority of traditional leaders of Tatars found a practical application of results of I. Gaspraly

activities in the sphere of religious propagation, learning secular subjects and the state language by their children and future employees and clients of their firms.

I. Gaspraly considered the Russian reform of education and a comprehensive school for Moslems as an inevitable step in evolution of the state, aspired to include Jadid mekteb into the Russian education system. He supported cooperation with the Russian state on the way to progress. I. Gaspraly actively supported any measures on modernization of the Russian society, on increase of its welfare, cultural and educational levels.

Approval and support of *usul-jadid* (the new method) by a part of clergy and sheikhs of the senior generation became the major factor for its distribution among Tatars. These traditionalists-adherents of Islam came to opinion of conformity of methods of I. Gaspraly to Islamic dogma and efficiency of *usul-jadid* for unifying the nation.

By 1900 on the whole it is possible to speak about achievements of the basic purposes of an educational stage of Jadidism. During it the new method mektebs and medreses were created in all major Tatar centres, provided by the educational literature issued in a number of new Muslim printing houses. The literary language of Moslems of Russia - Turki was generated. The Muslim elite began to receive massively a knowledge of Russian and Russian-speaking education. In the large city centres charitable societies became cultural and educational centres of communities. Thus, institutes of national education were formed, and there was already a question about their expansion and increase of a level of education.

By the beginning of the XXth century two basic trends took shape of Tatar public movement: Kadimism and Jadidism. At the end of the XIX th century the appearance of Jadidism in the beginning as a system of education meant the split of clergy into the layers supporting Jadids and Kadimists accordingly. The situation was aggravated, when I. Gaspraly and other leaders of Jadids had put forward the plan of political reform of the Tatar society and had acted as initiators of transition of a medieval autocratic mode to the European constitutional state of the New time. Traditionalists as defenders of the Islamic dogma and supporters of preservation of foundations of Islam were in a situation of a choice between these two models contradicting each other. The

basic way of struggle against reforms kadimists saw in violence and reprisals of authorities, particularly in the period after the Russian revolution in 1905-1907.

Jadids reformed the Muslim community of Russia and created the model adequate to demands of modern civilization. Therefore Jadidism became a synonym of evolution of the Muslim society taking into account the Russian realities. Jadids at the initial stage put forward the reform of the education consisting in studying of secular sciences at a national Muslim school in the native language and parallel preparation of teachers for such school. With preparation of citizens by the following stage the creation of the Tuco-Tatar nation was anticipated, independent in spheres of religion and education, combined with decentralization of the Russian state and wide local self-government, as well as with equality of all citizens and equality of religions.

I. Gaspraly did his best for creation of secular national elite. By the end of the XIXth century there was a question about creation of teachers' courses and Jadid medreses as centres of preparation new elite. At the beginning of the XXth century these functions were carried out by such medreses as "Huseiniye" and "Rasuliye" for Southern Urals, Steppes and Turkestan, "Bubiye" for the Lower Kama and Viatka regopns, "Usmaniye" for Central Urals, "Muhammediye" and "Apanaev"- "Kul buye" for the Volga region.

During the Russian revolution 1905-1907 an idea of a religious and educational autonomy of all nation became prevailed. The creation of national system of secular and spiritual education became the major purpose. Public movement of Moslems of Russia was united under the slogan of Muslim unity. Resolutions of the III. All-Russia Muslim congress in Nijni Novgorod (1906) were directed on creation of structures of religious autonomy within the framework of the existing state. The purpose of these solutions was transformation of separate ethnic groups and local Moslem Spiritual Assemblies into uniform administrative structure—millet, uniting all the Moslems of Russia.

The religious autonomy was proclaimed in the I-st All-Russia Muslim congress in Moscow in May, 1917. On the 20. July in Kazan congress of clergy opened. Mulla Nur-Gali Buavi called congress to make the role of clergy active. He was objected by Sadri Maksudi, the representative of a secular wing of the Kazan congresses. He declared, that activity

and unity of clergy had to be limited by three questions: maintenance of requirements of cult; maintenance of needs of clergy as a class; use of its spiritual force.

The joint session of the Kazan Muslim congresses in July, 22.1917, having included muftiyat, as one of the nazarats (ministries) in Milli Idare (the government of national - cultural autonomy), has actually put spiritual authority under the control of secular one. By refusal from a number of lines of the liberal positions, and the major of them became a partial restriction of female equality, secular leaders managed to conclude an alliance with the majority of spiritual leaders. The Congress of Clergy made a decision to change decisions of the Moscow congress on a womens' issue in two moments: preservation of civil equality of women, but absence of equality in questions of the right to succession, testimony, divorce; preservation of polygamy and paranja. The Spiritual Assembly acted as the stabilizer between a radical part of public figures and the conservative national majority.

After the forceful dissolution of Milli Idare in April, 1918 the Central Moslem Religious Board (CMRB) again turned to the single national structure. The CMRB kept its institutes in all territory of the Tatar world and among diaspora, similar structure to the Kazakh clergy and communications with clergy of all Muslim regions of the USSR up to the end of the 20s.

In 1923 the CMRB began to publish a magazine "Islam majallase" ("The Islamic magazine") under a heading "religious, moral and philosophical magazine". Mufti R. Fahretdin in "The religious question today" called to connect the Koran and Hadith with requirements of the modernity and to enter changes into life, being conformed with the Koran and Sunna. Mufti spoke about a necessity of performance of laws of the Shariat. R. Fahretdin directly referred to legal concept of Abu Hanifa and its tradition of preservation of the order and respect for a ruling regime.

R. Fahretdin having long-term experience of activity as qazi during the ruling of Alexander III and Nickolas II, developed practically a model of dialogue with authorities optimum in the given conditions. From 1924 to 1926 in the Bashkir republic even an increase of number of Muslim religious groups and societies happened according to 643 and 417 up to 717 and 473. However all attempts to achieve editions

of the educational literature and to organize medrese were rejected by authorities. Release of the magazine "Islam majallase" was stopped in 1928. At sessions of Political Bureau of RKP (b) in April - May 1928 the request of mufti R. Fahretdin for opening a theological school (medrese) in Ufa was being examined, but party divisions found inexpedient to have a similar spiritual educational institution. The circle of restrictions extended more and more.

Thus, authorities held a policy directed on banning of reproduction of educated clergy, preservation of foundations, localization of separate Muslim communities, prohibition of the edition of the theological literature. Results of such a policy was a decrease of dogmatic and cultural level of local clergy, strengthening of orientation to the ceremonial side of religion, break-out from the changes occurring in the modern world in general, and in the Muslim world in particular. Transition to a Latin script should have fixed this progressing backwardness of the Tatar clergy. Gradual extinction of medrese graduates, and first of all jadidi ulems, inevitably had to result Muslim clergy in a role of marginal group of a society not having sufficient knowledge and education. The active policy on getting the higher and secondary special education by wide layers of the Tatar society inevitably had to decrease the role of clergy as one of groups of national elite.

It is possible to distinguish - with a known share of possibility - some stages in anti-religious practice of powerful party and the Soviet state in the pre-war period:

1917-1922 when in conditions of social shocks the revolutionary secularization was carried;

2) 1923-1927 - in the NEP period were made attempts of mitigation of confrontation with church, while strengthening, however, ideological struggle against religion and church;

3) 1928-1933 - the period of the most rigid administrative pressure upon religious associations and destructive-repressive ways of struggle;

4) 1934-1940 - the period of euphoria from "victories on anti-religious front" when attempts of final liquidation of "enemies of socialism" were made, including clergy by direct unreasonable reprisals.

In 1940-1950s certain concessions concerning Muslim clergy are observed; congress was held at CMRB, but the creation of medrese and printed editions was not authorized. Within the framework of new

atheistic campaign in 1960-1969 the number of mosques decreased from 2307 up to 962. In 1961 in Tatarstan existed 646 informally working religious Muslim associations with 366 illegally working mullas. In 1970-1980-s Muslim communities were registered in such new towns, as Almetyevsk, Zelenodolsk, Naberezhnye Chelny and Leninogorsk. However during these years the life almost all medrese graduates was naturally finished. Functions of mullas, as well as in times of abizes, began to carry out people, neither mastering the Arabian language and Islamic dogmas, nor Arabian script.

Experience of co-existence of monotheistic communities and civil loyalty

*Freedom is a right given
by Allah to men and women.
Mufti Galimjan Barudi (1917).*

For Tatar people the first stage of the reforms which have led to the creation of the nation, begins in second half of XVIII century. The basic feature of Tatars was that they differed from neighbour peoples by a religious attribute, and from other Muslim peoples by a presence in structure of the non- Muslim state for more than two centuries. The most important characteristic of the beginning of the period is transition of the basic vector of activity of the Tatar Muslim ethane from resistance to forced conversion to relatively independent development within the framework of the Russian state. After destruction of Tatar murzas by Peter I as a feudal serving class, diplomats and the dealers used for mutual relation with the Muslim East remained a single privileged group. Therefore Tatars of Seitov Posad (Kargala) in 1745 were the first ones who received rights of corporation, including a freedom of worship and charging from recruit duties, under condition of participation of all members of corporation in trade with the Muslim East. R.Fahretdin noted, that for the first time after the fall of Kazan Khanate the officially recognized national-religious life of Tatars was reinstated.

On example of Kargala the model of cooperation between the Tatar society and the Russian state for the first time is created. Thus Tatars provide economic and political interests of the Russian state in the Kazakh steppes and Central Asia down to India of Great Moguls, and the Russian state gives them a freedom of worship and an opportunity for extraction of exclusive economic profits in the fixed markets. The basic intermediary of the state is not the class of feudal lords but bourgeoisie. Thus, mainly the Russian state itself defined the leading part of bourgeoisie in the Tatar society.

After a peak of reprisals of epoch Luka Konashevich and destruction of more than 80 % of mosques in 1740-s the government reacted to revolt of Batyrsha in 1756 by the first concessions to Moslems: it was authorized to have mosques and schools in settlements where Christians were less than 10%. At that particular time the government was finally convinced of resistance of Moslems and uselessness of reprisals against religion of the Islam. The reason of this resistance was adaptation of essence of the Muslim doctrine to requirements of ordinary people and election of Mullas, as against orthodox clergy. Mulla held an indisputable spiritual leadership in a community, as the most educated person, the teacher, the judge and the doctor. Therefore the control above earlier free clergy also had to provide the control above spiritual life of Muslim communities and all Tatar people.

Catherine II, who ascended the throne in 1762, aspired to strengthen stability of the Russian society and to reduce a scope of popular revolts, to put under the control all groups having a real influence. Her reforms in 1764-1789 were aimed to submission of the Tatar society to the state. She receives a picture of their requirements during her stay in Kazan in 1767, and also from petitions Tatars and statements of their deputies in the Ulozhennaya Commission. They were based on a recognition of civil and economic equality of Moslems with Orthodox Church believers and maintenance of freedom of worship. The position of Moslems concentrated on the following points: permission of free trade to all Moslems, noninterference with professing of their cult, construction of mosques, opening schools, arrangement for Moslems special Muslim courts based on Shariat, allowance of having their own administration and the use the Tatar language in office-work.

Before the revolt of Pugachev in 1773-1775 Catherine II abolishes Contora Novokreshchenskih Del (1764), resolves construction of the limited number of mosques again (1767), including two stone mosques in Kazan. Revolt of Pugachev meets the Edict of the Holy Synod on Toleration of All Faiths (1773). Having convinced in loyalty of the Tatar elite, having transferred contradictions between the state and Moslems from religious in a social sphere, Catherine II passes to direct concessions. The merchant class receives the right of trade on all Empire (1776) and self-government institutions the Kazan Tatar Town Ratusha (1782). Murzas were equalized in rights with Russian nobility (1784).

The clergy receives the status recognized as the state of ukaz mullas and class body in face of Spiritual Assembly (1788). Thus, the elite achieves functioning a set of religious and educational institutions, the right of trade, creation of Moslem Spiritual Assembly — “Makhama-i-Shargiya” (literally “The Shariat Court”) with Tatar-language office-work. However the equation in rights of Orthodox believers and Moslems did not take place.

All these privileges cover three basic groups of elite numerically having only insignificant part of the Tatar society. Under the control of these groups actually there was all Muslim population of district of the Orenburg Moslem Spiritual Assembly. Functions of clergy in questions of religion, education and family law covered all the population. The territory of the Bashkir cantons was controled by Muslim murzas as heads of cantons. The bourgeoisie actually financed system of scholastic education and all infrastructure of urban life. Posts of elders in auls and Tatar parts of the cities were replaced by Moslems. Moslems had an opportunity to go abroad, but actually periodically limited, and postscripts to city classes.

Existence of the Orenburg Moslem Spiritual Assembly, its activity directed to centralization and control above personnel structure of clergy, long caused resistance in a part of the society that received the reflection in movement of abizes, and then among the Vaisis. Actually the idea of using the Ecclesiastical Councils conceptually was maintained only by S.Mardzhani in 1860-s in his attempt to transform mufti from the governmental manager into the spiritual leader of a Muslim community.

In 1788 Catherine II created the unique body uniting all Moslems of Internal Russia and Siberia — the Orenburg Moslem Spiritual Assembly. The decree of empress “On definition of mullas and other spiritual grades of the mohammedan law, and on establishment in Ufa of Spiritual Assembly for government by all spiritual grades of that law, situated in Russia” was accepted in September, 22, 1788. Thus, the Muslim clergy was put under the control of the state, who defined completely its personnel structure. Taking into account, that in Russia had already existed a freedom of worship this decree established the mechanism of supervision of ecclesiastics, thus the basic place was given to their loyalty of the Russian state (“people, reliable in a fidelity”). The same day under the nominal decree to the Senate akhun of Kargala

Muhammedjan bin Husain became a mufti of all Moslems of Russia, excluding region of Tauria.

According to the status of the Spiritual Assembly in Sh. Mardzhani's treatment, it was given the following questions: to give fatwas about fidelity or inaccuracy of acts in religious affairs or to Moslems of the district subordinated to them, spiritual questions; acceptance the examinations from the people appointed to posts carrying out duty on the Shariat: akhuns, muhtasibs, mudarrises, khatibs, imams and muadzins in questions of science, practice and morals; distribution of sanctions to construct and repair mosques; division of property of Moslems on the Shariat base".

Thus, except for only divine service sphere, Moslems had special rights in the field of the Family law, that is nikah (marriage), talak (divorce) and miras (distribution of property). The status of Spiritual Assembly did not provide for the centralized education system or preparation for passing examinations on a spiritual grade. The people who had given examinations, received the Decree (Ukaz) and consequently were called as ukaz mullas. The Spiritual Assembly submitted to the Ministry of Internal Affairs, that is actually mullas submitted to executive authority. Before 1874 the Ministry of Internal Affairs supervised also the Muslim schools having the status of private educational institutions. Their opening was carried out actually in the notifying order.

R. Fahretdin formulated three main goals which caused the creation of Spiritual Assembly:

- 1) To create love to Russia from eastern Islam;
- 2) To leave without force ulems without the official status, appeared under a scepter of Russia;
- 3) To transform the Islam on Volga and the Urals region into the official religion and mazhab and to distribute mektebs and medreses everywhere.

The Spiritual Assembly had only four members (a mufti and three qazis), and without an educational institution and the standard program became a middle level official establishment where decrees (ukazs) were frequently on sale. The Tatar clergy suffered from financial neediness. The most part of vakfs in the Volga region was confiscated

just after the destruction of Kazan Khanate, and finally this process was completed in 1730-s. On the contrary, in XIX c. in Ottoman empire about all 1/3 of arable land concerned to a category of vakfs. In Bukhara in 1870-s vakfs made 24,6 % of the irrigated grounds, and this share did not change till 1920. Thus, the property status of the Tatar clergy in the radical image differed from the position of clergy of the Muslim states. Not provided financially and not supported with retaliatory measures the Russian system operated much more softly. According to Sh. Mardzhani's words, a death verdict to A.-N. Kursavi was born only under threat of reprisals concerning court on the part of Bukhara emir. For Tatar ulems A.-N. Kursavi's example always was a lesson showing advantage of the Russian religious device before system of functioning of clergy in the Muslim states. Budgetary charges on the maintenance of the Orenburg Spiritual Assembly remained extremely insignificant during all the period till 1917.

The absence of the effective mechanism of the control above position on places was another distinctive feature of Spiritual Assembly structure. The middle level clergy officials — akhuns, as a rule, were scattered on villages and did not render any influence on local clergy and authority on a district and provincial level. Just in the beginning of XIX century Moslems understood a need for an autonomy of spiritual local authorities, strict centralization of spiritual authority and conformity of structures of spiritual bodies to the administrative-territorial structure of Russia. All these projects were not realized, and practically the unique mechanism of the control from the part of Spiritual Assembly was temporary withdrawal of the decree.

The Tatar bourgeoisie for the first time acts in the beginning of XIX century as the initiator of creation of school of a secular type. In September, 10, 1818 mufti M.Husain addressed with the petition to the minister of national education about opening the school for Tatars with the purpose of preparation the clergy having a secular education. The program of this school should have differed a little from the program of similar Russian main schools. This project was not realized either.

The statement on a post of mufti of secular figures in the person of S.-G. Tevkelev and M. Sultanov did not cause a special resistance in the Tatar society. Up to the end of XIX century the Tatar economic and cultural elite had hoped that mufti would concentrate the activity

on protection of civil and political rights of Moslems, reform of their educational and religious establishments that really did not happen. Muftis preferred a policy of conciliation and half measures. In 1878-1879 Tevkelev actually refused the function of the intermediary between the rebel Tatar population and authorities, despite of requests of Moslems.

Absence of theological education undermined muftis's authority. The fact of vacuum of authority in the Tatar society could led to strengthening of alternative sources of secular and religious leadership. The first niche began to occupy the bourgeoisie, the second one was taken by Sufis with their ramified system of murids (disciples).

Sufi Z. Rasuli became famous both as the reformer — Jadid, and as the sheikh possessing the maximal number of murids among Tatars, Bashkirs and Kazakhs. After the first initiation in Bukhara into Nakshbandiya award since 1858 he became an imam and mudarris in Ak-Huja village in uezd of Troitsk. There he started the activity as the sheikh - ishan. In 1884 Rasuli was elected as an imam to the fifth mahalla of Troitsk and headed a medrese, named after him. Galimjan Barudi (mufti in 1917-1921) became the most known murid of Rasuli. Barudi was promoted to a post all-Russian the Rais-ul-Ulama (“Head of ulems”) in 1906 under I.Gaspraly personal recommendation. Rasuli paid special attention to the medrese of G.Barudi — “Muhammadiye”. In 1891 he put in pawn the first stone in its basis. Huge authority of Rasuli based on his personal relations with murids allowed him to supervise in the certain degree the life of Moslems in vast territories. Pupils from Siberia, the Chinese border, Turkestan, Kazakhstan, Dagestan and Kazan were flown down to him.

He used the authority of ishan for introduction the new method by his murids. According to Khadi Maksudi, one of the most sufficient achievements, made by hazrat for the nation is, that he gave any answer to Shariat on any questions of the modernity. Special role Rasuli played in education and enlightenment of nomads, first of all Kazakhs. Muhammad-Najib Tuntari asserted, that one of his most important reforms and significant works was a distribution of knowledge among Kazakhs, their reduction into Islamic way of life, ijihad (efforts) on the discontinuance of Pagan customs among Kazakhs. Sufis represented that part of the Tatar Muslim intellectual elite which aspired to constant

preservation and augmentation of knowledge, thus keeping an autonomy from the state, as against official clergy.

In October, 23, 1871 outstanding turcologist V.V.Radlov was appointed to the post of the inspector on the Tatar, Bashkir and Kirghiz schools of the Kazan educational district. He offered to enter in medrese of District the studying of Russian, arithmetics, the beginnings of algebra and other sciences and to create in Kazan teachers' seminary for preparation teachers in secular subjects and Russian. Thus, the representative of administration raised the question not about replacement the Muslim school into Russian, but about addition of its program by general educational subjects and a state language. Such statement of a question was shared by all Muslim reformers and intellectuals.

In 1871 the first Russian class in Kazan in medrese “Usmaniye” was opened. By the end of XIX century there existed only four Russian classes in medreses of Kazan. Besides, Russian was learnt by schools for Tatar boys and primary school with Tatar teachers' school.

The unique educational institutions preparing teachers for ministerial schools, were the Tatar teachers' schools. Their real program seriously differed from H.Faizhani's project. The variant of a grammar school was not embodied. The Tatar teachers' schools (Ufa-Orenburg — 1872—1889 and Kazan since 1876) prepared only secular teachers for elementary schools. The Kazan Tatar Teachers' school as a result turned to the unique centre of preparation the Tatar teachers for comprehensive schools and Russian classes. Alongside with a role of Sh. Merjani in statement of a spiritual education, a key role in statement of secular education played Shahbaz-Girei Ahmerov and Ibrahim Teregulov. Both they were descendants from nobility of the Ufa gubernia.

The Kazan Tatar Teachers' school on a boundary of XIX—XX centuries became the centre of formation of qualitatively new group of the national elite which was brought up on both national and Russian ground and did not belong to natives of classes of feudal lords or bourgeoisie. In 1892 the law on the educational qualification on knowledge of Russian for reception of the decree on a post of clergy is passes. However in 1893 in the Kazan gubernia only 506 Moslems had the educational qualification, sufficient for passing an examination on Russian for a post of imam.

The major moment which determined the distribution of usul-jadid among Tatar population, was a reception of approval and support from

the side of a part of clergy and sheikhs. So, young Galimjan Galiev (Barudi) in Bukhara medrese convinced in insufficiency of old methods. Instead of medieval ideals of the scientist, Barudi himself put forward ideals of service to the Motherland and the nation: "For the person the greatest happiness is the happiness to serve the Motherland, and for the sons of nation — to serve its happiness, my sweet dream is to use achievements of the educated nations. To waken the sons of divine, named Tatars, to direct them to a way of sciences and knowledge - I understand this necessity, I am engaged in it. And finding in this sacred work the consent of Allah, I reach happiness in it". Barudi developed bases of the program of training and education. Its purpose is the creation of highly moral person devoted to the Motherland and the nation. Prophet Muhammad and his supporters — ashabs should be these ideals. Thus, support by clergy of a new method was caused by understanding of necessity of reforming a society and an education system.

Jadidism and progress brought by it became the major help in strengthening and propagation of the Islam in such traditional missionary centres as medrese of Sterlibash, whose founder Nigmatulla Tukaev was the disciple of A.-N. Kursavi. In 1913 when Russian turcologist V.V. Bartol'd had visited centers of an old Islam — Kargala, Sterlibash he was able to be convince that reforms successfully lead the way everywhere, even in Sterlibash.

New mullas and muallims, received education in reformed medreses, represented a natural competition for old generation of clergy. For mullas compensation for activity as teachers made a significant part of their incomes. Creation of a set of secular schools struck not only their incomes, but also exclusive function of heads of spiritual life of a community. Distribution of Jadid literature with its criticism of backwardness of Moslems and stagnancy of clergy undermined a social role of old clergy and isolated it from a management of spiritual life of a community. Transition of the basic medrese in cities into hands of Jadids designated constant reduction of numbers of conservatives.

Representatives of traditional Muslim spiritual elite on the behalf of G. Barudi, R. Ibragim, Z. Rasuli, H. Usmanov, R. Fahretdin become key figures during creation of structures Jadid formations both religious, and secular. These representatives of clergy understood necessity of reaction of the Tatar society to the Russian reforms of New time. They

agreed with loss of the exclusive positions in the sphere of education for a name of preservation of integrity of the Tatar Muslim community and prohibition of the further assimilation of its members which took place outside its economic and educational system. The large economic centres such as Kazan, Orenburg, Ufa, Troitsk were the main places where creation of the new national elite having reformed Muslim and (or) Russian education was carried out.

At the analysis of Jadidism it is not necessary to use term Reformation and to mix this process with European Reformation, being first of all religious movement. Jadidism did not designate change of divine service Muslim practice (al-ibada) and dogmatic people (aqida), and was mainly a secular movement. Theorists of Jadidism I. Gaspraly and Y. Akchura examined this process by analogy first of all with process of formation of the French nation. However in absence of statehood this process carried not revolutionary, but evolutionary character. I. Gaspraly believed in progress of all peoples on a way of the European states.

At the initial stage the basic problem was absence of any connections between Jadid an education system and the status of Tatars. Jadidism concentrated in more economically developed regions, cities, among diaspora. At absence state and zemstvo assignments new method educational institutions and other centres of education were provided only at presence of significant means in the hands of Tatar bays. Jadidism almost did not give an opportunity to Tatars to occupy new places in system of the state education or in the state service.

On boundary of XIX -XX centuries Tatar intellectuals began to come to idea of necessity to reform a political system of Russia for the sake of progress and autonomy of Tatars. In Europe already there were constitutional modes, the basic slogan of Turkish opposition was restoration of the Constitution of 1876. Under influence of these ideas and trips abroad a number of Tatars began to think about transition from educational to a political stage of national development. In 1900 R. Fahretdin's chronicle "Asar" ("The traces") started to issue, calling to reform of the Spiritual Assembly, to continuation of A.-N. Kursavi's ideas and projects of Sh. Mardzhani, H. Faizhani. The purpose of these figures was also a religious and cultural - national autonomy of the nation of Turco-Tatars Moslems of Russia.

Education abroad becomes more and more attractive to youth. In the field of religious education Cairo replaces Bukhara. Thus, Al-Azhar medrese, reformed by M.'Abduh, becomes the centre of transfer of ideas of modernization of the Islam and public reforms at Tatars. In 1910 Russian ethnographer L.Shternberg wrote about training Tatar mullas in Cairo: "Here... English freedom has caused in Moslems ideas which may change all mentality of Muslim world".

In 1906 under the program of reform of management accepted by III All-Russia Muslim congress by spiritual affairs five Muslim Assemblies were being created in Russia. All religious affairs of Moslems, including the control above medreses, mosques and vakfs, the statement of ecclesiastics and legal proceedings on questions nikah, talak and miras were transferred to them. An average level should have made provincial and district МЕДЖЛИСЫ clergy. The head of Moslems of Russia was elected Raisa — al- Ulama, having the right of the personal report to Emperor. All the clergy was elected only by Moslems. Recommendation of I. Gaspraly to proclaim G.Barudi as Rais-ul-Ulama meant the open break with muftiyat and all the system of the official religious organization. However the Tatar clergy maintained by bourgeoisie, had already been essentially ready to transition to a religious autonomy.

R.Fahretdin in 1914 let out the book "Dini va ijtimagi meseleler" ("Religious and social questions"), devoted to a substantiation of reforms of New time and examining position of devout Moslems in relation to reforms. The name of work says about necessity of synthesis of religious and secular bases for development of the Islamic nation. In reform of the law the basic rules were based on traditional Sunni doctrine, consisting that Koran and Sunna directly should be the requirement and the proof for Muslim rulers. The basic source of reform of the right became "idjma". If it does not contradict the Shariat, idjma must be expressed in the coordinated removal of decisions on reforms according to the time. Thus alongside with opinions of ulems, it takes into account positions of the heads of charitable societies, military commanders and heads of other organizations, lawyers and doctors, engineers and dealers, editors and writers, workers. Thus, Shura (Council) accepting legal decisions, turns to body of a Muslim community of New time. Shura should operate according to realities of economy and culture and to represent the union of all classes and societies.

Actually this idea lay in a basis of creation of Millet Mejlise which represented the union of all mentioned above groups of national elite. On such a principle of representation of all parties and public groups in 1917 all local Muslim committees and a bureau were also formed.

R.Fahretdin directly asserted: "nations which have to live in the world should think independently and it is necessary to move according to the changes of time and progress. Political, economic and public affairs must refer to the needs of time, they need to be updated accordingly". Thus in parliament and the State Council it is necessary to carry out decisions, agreeable with the Koran and Sunna. As a result the Constitution as a very useful thing for Islamic World should be created.

The Islam should keep a value as the system of the world outlook and moral foundations: Islam, being a universal religion, it is suitable for all the times, all the places and the states, all the peoples and the nations. If necessarily there is any religion which is suitable for happiness in this and that world, for material and spiritual advantages, so this religion, undoubtedly, is the religion of Islam. Moslems themselves should return to ways of pure religion from the times of ashabs. R.Fahretdin rejected the doctrine about backwardness of religion in comparison with science. For him only religiousness is a basis of high morals, therefore, the fact that people are religious, it is so natural, as that they cultured. R.Fahretdin created the work, being guided on conditions of all Muslim world. He also defined millet of Moslems of Russia first of all as a part of Muslim umma.

In the Tatar national elite there was a understanding of necessity of modernization of public institutes in spheres of creation the parliament, declaration of the constitution on a sample of the European states at parallel preservation of unity Islamic umma with its laws and moral bases. In this moment we can speak about intellectual influence such the Moslem reformers, as J. al-Afghani, M. 'Abduh, R. Rida and A. al-Kavakibi. These sights designated a withdrawal from traditional Islamic and Ottoman millet as confessional autonomous formation for the benefit of creation of constantly modernized nation of the European type. This task took the central place in activity of the Tatar national leaders after defeat of the Russian revolution 1905-1907 and especially Young Turks revolutions of 1908. To the Tatar theologians, and first

of all R.Fahretdinu, belonged a historical task of a theological substantiation of these reforms which was excellently executed. Practical realization of these postulates was partly carried out in activity of Milli Idare as the united body joining both the structure secular, and a religious autonomy. A lot of Muslim politicians during 1907-1914 put a question on creation united Muslim bodies, even at a level of council of all umma - Shura. These bodies should provide a technical progress of Moslems on a sample of the European states. As a result the union of the Muslim states should be created.

On the first the All-Russia Muslim congress in May 1917. the clergy conducted an independent policy. Ibrahim Tergulov noted, that the Muslim clergy accepted active participation in all political affairs, insisted on parallel co-existence of national and religious bodies.

The key moment which had strengthened independence of clergy, began the election of independent Religious Board led by mufti G.Barudi, that designated the discontinuance) of semicentennial tradition of a management of muftiyat by secular people. G.Barudi and elected gazis represented supporters - jadids and in the majority they were active politicians.

The culmination of movement of clergy became the All-Russia congress which opened in Kazan in July, 20, 1917. Except for representatives of Tatars and the Bashkirs, there was a clergy of Crimea, Caucasus, Turkestan, Kazakhstan, Siberia. Mufti G.Barudi declared: "In our heart there is a belief, there is our main teacher - the Koran and our zeal". The joint session of the Kazan Muslim congresses July, 22, 1917, having included muftiyat as one of ministries in the government of a national - cultural autonomy of an autonomy, actually put spiritual authority under the control of secular one.

After the forceful dissolution of Milli Idare in April, 1918 the Central Muslim Religious Board (CMRB) and its bodies became a symbol of the national self-identification, the natural centre of rallying of bourgeoisie, the most part of intelligency, peasantry and workers. Tatar people continued to see the national and religious body in the Spiritual Assembly. A huge role played here a high qualification, personal courage and moral substance of many representatives of clergy.

In 1923 finally having restored the structures partly broke during the civil war, the Central Religious Board of Moslems of Internal

Russia and Siberia obtained a recognition from the central government. Besides the management being the united centre of the statement of the staff and managing them (CMRB), it also was the analytical and theoretical centre ("Golamalar Shurasi"), regional control institutions (mukhtasibats), local bodies of the religious control above the Muslim population (mahallas), initial religious school (mektebs), the centres of preparation and retraining of personnel (rates), official and theoretical body (magazine "Islam majallase"), and also mosques, and secular training for children of clergy, and a real opportunity of participation in the civil life by meetings with local Communist leaders of arrivals.

Only violent closing of mosques, physical destruction and references of clergy, concentration of all means in hands of the state and under inspection of collective farms had put a resolute impact on structures of the Spiritual Assembly. At the same time mass prayers for the deceased mufti Rize Fahretdin in 1936 and arrests of CMRB members in 1937 confirmed the high status and authority of clergy at the Tatar nation.

Traditions of the Kazan oriental studies.

The nations which have to live in the world should think independently and it is necessary to move according to the changes of time and progress. Political, economic and public affairs must refer to the needs of time, they need to be updated accordingly”.

R.Fahretdin (1914)

R.Fahretdin wrote, that after destruction Kazan Khanate the part of Moslems ran to Dagestan, to Crimea and even to Turkey. A bit later the part from them returned back: among them there were people who studied at ulems in places of getting Moslem education, and they copied and brought home some books. R.Fahretdin considered, that after the fall of Kazan Khanate our ancestors engaging in agriculture at first got the needed education from ulems of Dagestan and it is known, that in some time they began to receive education in Bukhara.

Education on Caucasus differed on the whole by freedom and absence of the state control. According to R.Fahretdina's words, the authority of Dagestan ulems was connected with that Moslems of Volga, Bulgar, Kazan, Ura region after the destruction of Kazan Khanate lost bases of Moslem book culture and the Arabic language. He gave a special meaning to a role of Dagestan ulems in transfer of knowledge on such disciplines, as fikh, Hadith, rhetoric, lexicology and morphology of the Arabian language. Thus, natives of Dagestan and their Tatar pupils restored the education system in medreses. Judging by R.Fahretdina's words, Dagestanis put in pawn bases of religious brotherhood and national respect.

Among Dagestan ulems R.Fahretdin notes Muhammad bine Musa al-Shirvani, died after 1139 H. (1725/1726 A.D). He was the founder of renewed Sufism: "Our sheikhs from Bulgar and Kazan are connected with this person given them silsila (Sufi continuity) item. The second

spiritual teacher who also had received education in Dagestan was Murtaza Simeti, who then created medrese in Mamadysh uezd.

Historian Hasan-Gata Gabjashi in 1915 asserted, that before epoch of the Spiritual Assembly education of Tatars was under influence of the Dagestan model of training. Efficiency of education consisted in that such subjects as nahve, sarf, fikh, ahlak, aqida, tafsir and Hadith were true Islamic sciences. Besides they were learnt under books of mutakkadimuns - opponents of Kalam and true Islamic scientists.

A.-N. Kursavi (1776 - 1813) — was the thirteenth step of a dawn of religious reform and freedom of conscience. In opinion of G.Sagdi, A.-N. Kursavi's value consists that he was the first, who led to the religious - intellectual discussions among the Tatar clergy. Secondly, he was the first stone in the basis of that religious reform which began through fifty years by Sh. Marjani. A.-N. Kursavi changed outlook of the Tatar clergy by creation of alternative to a scholastic official Islam. He became a starting point of all subsequent directions of the Tatar public life. G.Sagdi viewed Jadids as the successors of religious - philosophical ideas of A.-N. Kursavi. They later expanded and adapted his concept to their realities.

A.-N. Kursavi after acquaintance with classical philosophy of the Islam and its comparison to realities of Bukhara came to a conclusion about necessity of the reform directed on refusal of scholasticism, restoration of free interpretation of the Koran and Khadith and change of religious doctrine in spirit of time. With the teaching on the native language and interpretation on it the Koran (so called "Tafsir Nugmani") Kursavi approaches to the spirit of Protestantism. He, in opinion of G.Gubajdullina, proclaims a principle of rights of reason, begins to speak and write on the language of Hus and Luther.

The Tatar bourgeoisie for strengthening bases of Muslim belief uses such a technical achievement, as a press. Under the insisting of Tatars, in 1787 the first-ever printed edition of the Koran prepared by mulla Usman bin Ismail issues. In 1781-1917 in Russia 191 edition of collections of Suras (Haftiyak), more than hundred editions of separate suras (suar min al-Koran) issued together with 172 editions of the Koran. Presence of a copy of the Koran becomes prevailing among the Tatar elite and emphasizes its devout status.

In 1802 in Kazan the regular edition of the Muslim literature begins. In 1801-1829 93 books were issued. The most popular works were "Iman sharti" ("The Alphabet with the appendix of conditions of belief - 52.700 copies), the Koran and its Suras (43.175 copies), Haftiyak (the seventh part of the Koran containing manuals - 21.300 copies). Among let out books the significant place was occupied with the educational books used in medreses, classical products of the Turkic literature were issued: "Qissa-i-Yusuf" by Kul Gali, "Qissa-i-Kisekbash", "Risale-i-Gazize" by Tajetdin Yalchigul, "Badavam kitabi" and others. In total in the first half of XIX century 401 edition of books are issued. If in the first quarter of the century dominates religious - didactic literature and books for primary education, so in the second quarter the literature under the right, philosophies is issued also, poetry prevails.

In 1769 in the Kazan grammar school the class of the Tatar language was open. Attempt of combining the Russian and Tatar educational tradition can be seen in the activity of the Khalfins': Sagit, Ischak and Ibrahim. S.Halfin makes "The Alphabet of Tatar language" (1778) with both the two-volume Russian-Tatar dictionary and grammar (1785) made for Russian educational institutions. In the first half of XIX c. there is a parallel edition of monuments of Bulgar epoch and times of Chengiside khans. If in 1839 the first edition "Qissa-i-Yusuf" is issued, so in 1819 Ibrahim Khalfin publishes the historical work "The life of Chenghis-khan and Aksak Timur" by rules of the European science. If ulems concentrated on the history of Bulgars, Tatar murza I. Khalfin studied the history of the Turkic states, first of all Golden Horde. In J. Validi's opinion, I. Khalfin was the first of Tatars who had dealt with problems of national history, opposed preservations of obsolete norms of the Chagatay language and for acceptance of forms of the Osmanli Turkish language. His appeal to issue the Tatar manuscripts had remained without the answer.

In the first half of XIX c. the greatest number of Tatar grammars and reading-books (Ibrahim Khalfin, Abdush Vagapov, Salihjan Kuklashev, Gali Mahmudov) for Russian schools where the picture of development of alive Tatar language in 1770-1850-s were published.

The basic centre of oriental studies in Kazan became the first in Russian department of Eastern Languages of the Kazan university where the great scientist rector of the university N. I. Lobachevsky played an

outstanding role in it development. Professor H. Fren became the founder of Arabic studies in Russia, in the 1830-s the department of the Turco-Tatar language was led by professor A. Kazem-bek. The peculiarity of the Kazan oriental studies was a cooperation of the scientists representing different peoples and religions. In Kazan the first explanatory dictionary in Russia of the Arabic language was created, issued reading-books and works on fikh. Here orientalist directly were able to adjoin ulems and fakihs, checking the validity of their theories. Unfortunately, Eastern Department was transferred to St. Petersburg in 1855, and the Kazan oriental studies passed mainly to hands of orthodox missionaries. At the end of XVIII c.- the first half of XIX cc. cooperation of Tatars in Russian educational institutions, including the Kazan university begins. Tatar-teachers act both in functions of publishers of monuments of the Turkic literature and authors of dictionaries and manuals on the Tatar language. At the same time they did not manage to render real influence on Muslim education.

During this period Kazan remained the basic centre of secondary and higher Russian-speaking education for Tatars. In 1834-1865 the First Kazan gymnasium was finished by 22 Moslems. At the Kazan university in 1840-1860 only 31 Moslem were taught. Almost all the leavers became doctors of Bashkir cavalry units. From all the students at the Kazan university in those years of XIX c. only the mufti Muhammadiar Sultanov received a popularity from 1889. That fact is also indicative, that Tatars of the Volga region in general could not be trained at the university. Thus, graduates of Russian secondary and higher school in the pre - reform period did not form a special group of national elite. Their influence was limited by specificity of their professional work, and also by small number.

In 1860-s in Kazan Sh. Mardzhani - the historian appeared, whose works have not lost the urgency and became basic for the analysis of history of the Tatar ethane. In 1900 the ulem R.Fahretdin characterized works of Mardzhani "Mustafad al-ahbar" and "Vafiyat al-aslaf" as examples of true understanding of history, similarly to works of the imam Bukhari, Ibn al-Asir, ibn Haldun and Makrizi. He compared Mardzhani to such great seminary students, as J. Al-Afghani and M.'Abduh. R.Fahretdin asserted: "The most difficult object for changing are questions of religion, questions anyhow connected with Shariat".

The historian and politologist Y.Akchura wrote: "Mardzhani for the movement which had begun in our century i. e. "tajaddud" ("Reformation") is the greatest predecessor (Precurseur). Qazi R. Ibragim estimated S.Mardzhani, first of all as the founder of history of the Tatar states. Historian Hadi Atlasi in his reform had seen a basis for reforms in political, economic and cultural life. Al-Afghani considered himself in the certain degree as Islamic Luther and considered, that religious reform was a unique way for realization of material reform and self-strengthening of the Islamic world. Under such a corner of sight Y.Akchura, M. Bigi, H. Atlasi and K. Tarjemani examined the value of Mardzhani activities for the Tatar world. They considered him first of all the religious reformer, the predecessor of Jadids, their colleague, the person who had created Islamic dogmatic base for modern transformations, but not a secular figure of a national European type.

G.Gubajdullin already in 1926 summed the attitude of Muslim society to Mardzhani in such a way: "He is known in the Muslim world as the reformer and the ulem, but he worked in the field of the theory of history and history of the Islam in Central Asia, and, in particular, in the field of history of East Europe Turco-Tatars not a little.

G.Sagdi considered that despite of the resistance of bays and ulems, Mardzhan created the powerful ideological weapon. Among his successors G.Sagdi named such ulema reformers, as R.Ibragim, R.Fahretdin, G.Barudi, M.Bigi and Z.Kamali.

S.Mardzhani's basic merit was that he had created bases of the Tatar science as an independent branch of knowledge having its methodology and system of proofs. As against kalam, based before on speculative knowledge, S.Mardzhani aspired to a logic substantiation and the argument of the conclusions on the basis of practice. The scientist mastered perfectly the abstract conceptual device and scientific toolkit of the Muslim world. He thought that only the Arabic language adapted for conducting theological discussions. S.Mardzhani declared that the Turkic language was still insufficiently developed and it did not have any necessary scientific terms. In 1850 when he was 32 the scientist became the imam and mudarris of the 1-st parish of Kazan. He could inhale New life, the life spiritual, into the former capital of the Kazan khans and that time - the economic capital. The history of

Kazan begins with Sh. Mardzhani as the spiritual capital of Tatars. His followers and researchers especially marked the independent character of the great scientist. Before him all the city medreses were under home control of one concrete bay, the actual owner of mahalla who interfered in their internal life. Sh. Mardzhani for the first time created the classical type of medrese where a mudarris was absolutely an independent figure. At the same time Sh. Mardzhani refused another way of reporting to himself. Formally being the sheikh, he refused to take murids. Thus, Sh. Mardzhani had really created a new type of mutual relation between mudarris and the head of mahalla and between a teacher and pupils. He created on base of medrese a mutavvaliat (council of community) and received the sanction on its existence in the Spiritual Assembly, that is he removed the medrese from under submission to a concrete bay. It was the first such a case in Kazan.

Despite of resistance almost all Kazan mullas and bays, Sh.Mardzhani reformed the medrese where the basic attention was given to studying of the Koran, Khadith, history of Islam, life of Muhammad (sira), philosophy, rhetoric, morals and law.

In 1860-s, in conditions of bourgeois reforms in Russia, Sh. Mardzhani and his pupil Husain Faizhani acted with the project of creation a group of secular Tatar elite and the clergy, having bases of modern scientific knowledge. The death of the mufti Gabdulvahid Suleimanov in 1862 created the vacuum of authority among Moslems of the Orenburg Spiritual Assembly millet and gave a potential opportunity for reforms. Sh. Mardzhani aspired to hold a post of mufti. In that case the project of medrese was one of the main reforms of the Spiritual Assembly. On H.Faizhani's first project in 1862-1863 the creation of 10 grades medrede was planned. H.Faizhani wrote that European languages, geography, medicine and natural sciences must be trained in Russian, and other subjects in the Turkic language. In medrese the Muslim jurisprudence and the Arabian philology should be taught. In primary classes training of the Turkic, Persian, Arabian and Russian languages, geography and geometry was supposed. Then the medrese divided into two branches. Spiritual branch studied tafsir, Khadith and medicine up to a degree of medical assistants and becoming mullas without passing an examination in the Spiritual Assembly. The second group should have received education on a sample of Russian

gymnasiums and have had the right to enter the university. H.Faizhani wrote, that “after graduation from the university these shakirds which hearts are lit up by a beam of the Islam, and are brought up in spirit of Muslim piety, might render the big help to Moslems”.

As H.Faizhani’s project was not carried out, but the government was able to create a secular educational institution for preparation of Muslim intelligency in Kazan — the Kazan Tatar Teachers’ school (KTTS) in 1876 Sh. Mardzhani had a place of the teacher of the Islam in it. His activity as a faith teacher in KTTS caused protests practically of all the Muslim population of Kazan. Actually only authorization by him, sa the Kazan akhun, the Muslim character of KTTS enabled entering and studying Moslems there. Sh. Mardzhani said: “I go to School to encourage pupils. The truth is that we were a cause of opening this school, but our proposal was different. In due time government officials promised us, that School would accept only shakirds, who had reached “Tauzih” and “Mulla Jallal” level and then they would carry out imams’ duties. Sh. Mardzhani was the opponent of separate existence of ministerial school and mekteb and aspired to their association in the person of mudarris and teachers simultaneously.

The scientist created the first documentary picture of history of the Tuco-Tatar states, self-government institutions, the basic settlements, mosques and ulems. Sh. Mardzhani aspired to unit into a single Tatar nation all Moslems of district of the Orenburg Spiritual Assembly irrespective of their ethnic distinctions. The Tatar nation “millet” designated the self-name of the religious community which had been usual in structure of the previous Turkic states in the territory nowadays of the European Russia and Siberia at Sh.Mardzhani.

Never earlier and never in the Tatar history was such a historian operating in so wide volume of sources, frequently already inaccessible to us. Sh. Mardzhani has captured by his researches the most part of territory of ethnies of the Kazan Tatars, thus for the first time having created a national history.

Sh. Mardzhani’s basic historical work is the six-volume biographic chronicle “ and “Vafiyat al-aslaf va tahiyyat al-ahlaf” (“Paying respect about predecessors and a greeting to descendats”). It represents simultaneously a unique work of classical Muslim historiography at Tatars and the work containing the biographies of the Tatar rulers

and ulems. If “Vafiyat” carries in many respects a character of compilation, then in “Mustafad al-ahbar fi ahvali Kazan va Bulgar” (“The collection of useful data on affairs of Kazan and Bulgar”) at Sh.Mardzhani in history of Tatars thorough knowledge of a local material is visible. Thus, investigating history of Kazan and its region, he pawns also a basis of history of the region. For Sh.Mardzhani the value of the past is defined by its results in the present. The second volume of Mustafad is based on the documents describing activity of predecessors of Sh. Mardzhani himself. The works of the scientist actually represent the unique directory on spiritual life of the Tatar world, allowing to receive the information about the complex character of educational, property and family relations, uniting the Tatar clergy with each other and with murzas-land owners and bourgeoisie.

Sh.Mardzhani’s genius consists that he had managed to connect in one thing the whole traditional history of umma with history of the Kazan Tatars. The description of rise of public and cultural life of Tatars on the basis of the individual initiative of concrete persons, in absence of own statehood, is Sh.Mardzhani’s greatest merit. This model further was also developed by I.Gaspraly from his article “The Russian Moslems”.

As against I.Gaspraly and Jadids, Sh.Mardzhani had never aspired to create a general primary school. He put the purpose of national elite education. Thus, from Sh. Mardzhani’s point of view, such elite should have a high level of knowledge in Islamic dogma. If Jadids put forward idea of creation of mainly a secular nation on the European sample he was the supporter of creation millet on a classical Muslim sample. If I.Gaspraly considered secular intelligency as the basic group of national elite Sh. Mardzhani allocated such role to clergy. Ideas of civil equality of Moslems, a recognition of their duties before the Russian state, mastering Russian and bases of knowledge of the Russian legislation, training of Muslim elite in the governmental educational institutions unite the ideas of Sh.Mardzhani and I.Gaspraly.

For S.Mardzhani the Tatar world in the sphere of religion remained a part “Dar ul-Islam” (“World of Islam”), simultaneously being a part of the Russian state. The scientist understood a true knowledge, which was going from two sources: from the God and from practical

researches. He had proved an opportunity of innovations in the Muslim world, as occurring on will of the God.

The mechanism of change of the status of Moslems up to achievement of Sh. Mardzhani's civil equality, as well as later Jadids, saw in mastering of bases of civil culture by them, secular sciences and studying of language of administration. Thus reform concerned public institutions, including having an autonomy by the Spiritual Assembly, but did not mention Islamic dogma.

The beginning of the Russian historiography of social movement of Tatars began from works of the missionaries analyzing development of the Islam, the European education and social movement of Tatars. The beginning of this tradition was given in 1870-1890-s in Nickolas Il'minski's works, aspiring not to allow progress and consolidation of Moslems of Russia.

From 1900 biobibliographic chronicle of qazi R.Fahretdin named "Asar" was published. It was created on the basis of archive of the Spiritual Assembly and a lot of other sources. The chronicle contains more than six hundred biographies of Idel-Ural region ulems and nowadays has no equal one both in the used sources, and in internal judgement of personalities of heroes. In 1906, after refusal of mufti M.Sultanov to carry out the reform of the Spiritual Assembly, R.Fahretdin abandons a post of qazi and heads "Shura" magazine in Orenburg. Simultaneously he creates a number of biographies of philosophers, writers, public figures and philanthropists, as samples for imitation on the part of other Moslems. In hatima - coclusions R.Fahretdin gave an idea about duties of Moslems of the present. In the biography of the writer Ahmad Midhat he asserted, that both a religious, and secular knowledge were necessary. Qazi wrote, that great ulems Ibn Rushd, al Ma'ari, Ghasali and Ibn 'Arabi worked for the name of their nation, Motherland and religion alongside with a traditional Islamic concept of umma.

The phenomenon of origin of national movement and formation of the nation draws attention of its figures practically simultaneously with origin of the movement. Continuing the historiographic tradition incorporated by Sh.Mardzhani, Y.Akchura and F. Karimi who received European education create a modern kind of the biography of the national leader.

On a boundary of 1900-1910-s in Kazan a lot of historical compositions devoted to the Turco-Tatar history of epoch of independence, first of all in the form of textbooks had left. These years such works on Tatar history as "Bulgar tarihi" ("History of Bulgar") and "Kazan tarihi" ("History of Kazan") by Gainetdin Akhmarov, "Mufassal tarih kavme Turci" ("The detailed history of Turkic people") and "Muhtasar tarihi Kavme Turci" ("The abridged history Turkic people") Khasan-Gata Gabashi, "Turci-Tatar tarihi" ("History of Turks and Tatars") by Zaki Validi and "Tatar tarihi" ("Tatar history") by Gabdelbarri Battal, which glorified the power of the Turkic states from epoch of Hunnu until the epoch of Kazan Khanate were published.

Comparing with history of Sh.Mardzhani who began the Tatar history from the periods of Khazar and Bulgar Khanates, his accent was transferred on an earlier period. The main focus was rendered towards the history of Turkic unity formed in Preislamic epoch of Turkic Khaganates. The second period of Turkic unity was a period of Chinghis-khan Empire.

In 1915. Y. Akchura under influence of works of a French orientalist Leon Caehn developed the following division into periods of Turkic history:

- 1) The ancient period: an ancient Turkic civilization up to the Mongol supremacy.
- 2) The middle period: association of Turkic peoples in Empire of Chinghis-khan and his successors.
- 3) The new period: the states arisen at disintegration of Empire of Chinghis-khan.
- 4) The modern period: national awakening of Turkic peoples in the present period.

Thus, the basic accent in studying history was made not on distribution of the Islam among ancestors of Tatars, as in works of ulems, including Sh. Mardzhani, but on a history of Turkic race itself. From history of religion the attention was switched to history of the states that had given science a secular character.

The first work on the Tatar history, the manual in Jadid schools, was work of Sh. Mardzhani "Mustafad al-ahbar". In 1899 some teachers of Agryz medrese issued the program where history divides in three

parts: history of the Islam, history of Russia and for the first time - history of Tatars. The first teaching of a Turkic history begins of Y.Akchura in "Muhammediye" medrese in Kazan in 1904-1905. The history of Turks and Tatars was included in program "Apanaev" medrese in Kazan, "Huseiniye" in Orenburg, "Galiye" in Ufa.

In 1912 missionaries tried to analyse the changes which had occurred in national consciousness of Tatars, by consideration of their educational literature. So, Nicolas Katanov ascertained, that Jadids needed a new history, based on the exact and impartial data which was seen only in Western Europe. Thus new textbooks appear only in new method schools, in part in middle ones. Supporters of the old method suspiciously concern even to Mustafad and recognize only history of Adam, Muhammad and Muslim dynasties.

Yakov Koblov examining "The works on civil history" wrote that until now Tatars were quite satisfied with mythical poems like "Qissa-i-anbiya" ("The tale about prophets") by Rabguzi. From 1905 they actively write and translate the works on the general history, history of Russian state, a national history of the Kazan Tatars (the Kazan and Bulgar Khanates). The greatest attention is caused with a history of local territory, the Tatar nationality, Bulgarian and Kazan kingdoms. Koblov saw two basic tendencies determining development of a national history:

1) Attempt of a independent scientific development;

2) Rise of national feeling. And the basic purpose is research the nation, that is to understand its past, its value... it had in former time and that is expected in the future to plan marks for this future, to not get lost among other nationalities and to keep the independence, that is creation of the concept of a national history.

Yakov Koblov asserted, that Tatars are mainly interested in a history of power of the Muslim states. So Shakirjan Khamidullin demanded of Tatars to visit ruins of City of Bulgar more frequently for reflection about former greatness of Bulgar and for unification in present. He called for elections of mufti from number of widely educated people.

The works devoted to Sh.Mardzhani have a special place in the beginning of Jadid national historiographic tradition. Here through his personality the formation of the nation and its movement to progress is examined. The collection of "Mardzhani" (1915) — is the foci of

Jadid historiography, represents a combination of memoirs about Mardzhani, estimations of his role in a history of the nation, and articles devoted to the concrete sides of his activity. Participants of the collection were Y.Akchura, H.Atlasi, G.Barudi, Z.Validi, G.Gubajdullin, H.Maksudi, R.Ibragim, M.Ramzi, K.Tardzhemani, M.-N. Tuntari, R.Fahretdin, B.Sharaf, S.Sharaf and a number of other authors.

In the Soviet period there was a requirement for an estimation of history of development of the nation, its figures and institutes. In 1920-s we see three directions in the Tatar historiography. The first — actually liberal - Jadid, concentrated on studying of development of the nation, basically, through a history of education and the literature. "The history of Tatar literature" played here a fundamental role, created by G.Gubajdullin A. Rakhim. In it the history of Tatar literature from Runic monuments and the Orkhon-Yenisei inscriptions up to middle of XIX century is studied. The feature of the approach of authors is studying the literature through a prism of allcultural development, development of a public idea and spiritual culture. Jamal Validi creates "Essay on history of enlightenment on and literature of Tatars" — which is the most complete work about development of public idea and the spiritual culture, covering a history of origin of the modern Tatar literature and political activity during revolution 1905-1907 nowadays. The second direction — tradition of the right national communists acting for independent development. Its most outstanding representatives are Gazim Mansurov and Ischak Kazakov. These authors develop the thesis about unity of national movement in questions of culture and education. Ischak Kazakov shows a historical and economic inevitability of development of Kazan as the centre of Volgo-Kama area. G.Mansurov emphasizes, that the idea of the Tatar autonomy is the end of all the national movement. The third direction — is historiography of left tatarists. As the largest figure and the initiator of it Galimjan Ibragimov was.

In the years of totalitarianism the traditions of national oriental and Islam studies were stopped, the majority of scientists were physically destroyed. From 1960-s, the new generation of researchers, despite of acceptable frameworks revives traditions of the Kazan oriental studies. M.A.Usmanov analyzes the development of Tatar diplomatic and historical sources in XIV—XVIII centuries ("Beneficiary letters of Juchi

Ulus”, “The Tataro historical sources of XVII-XVIII cc.”). J. Abdullin’s monography “The ideas of Tatar enlightenment” was published in 1976 where for the first time after 1920-s the development of the Tatar philosophical idea and enlightenment in A.-N. Kursavi’s, Sh. Mardzhani and Sh. Kul’tjasi works was analyzed. In 1970–1990-s A. G. Karimullin let out several books devoted to development of the Tatar publishing from XVIII century about the first years of the Soviet mode. M. H. Jusupov created the analysis of historical works of S. Mardzhani. A. B. Khalidov analyzed the development of the Muslim hand-written book in Russia.

In the second half of 1980-s in connection with liberalization of a regime and rise of national movement there is a carry of attention to history of the Islam in the region, the Tatar political movement of the beginning of XX century. I. R. Tagirov had conceptually opened aspects of political history of Tatars, typology of public processes. In 1990-s a number of the works devoted to development of philosophical idea of Tatars, to development of education, Jadidism, and also a number of scientists and educational establishments leaves. R. S. Hakimov put forward the concept of development of Jadidism within the framework of the Euroislam, that was the movement which had united Islamic values with achievements of modern civilization. R. A. Nabiev considered a mutual relation of Muslim clergy and the Soviet state in the pre-war period. R. M. Muhametshin assessed a role of the Islamic factor in public movement of Tatars of XX century. Thousand-year experience of mutual relation of various peoples and religions on the ground of the Volga region will give rise to new attempts of its realization.

Islam in modern interreligious and state-confession relations.

There are usual traditions of the Russian Islam which in XIX century passed Reformation. It has experience of co-existence with Orthodoxy and other religions, it is loyal to the Russian authorities, and the main thing — it is focused on getting the education, perception of cultures of other peoples.

Mintimer Shaymiev (2001)

Historically multinational and multiconfessional the Russian Federation located on the Euroasian space, has a task in a new way to equip the life, proceeding from interests of regions. One of such unique places is the Republic Tatarstan where the spirit of tolerance and culture of co-existence of various religions has developed more than for the thousand-year period. Today’s religious palette reflects the variety which has been usual as a result of interference and interaction of many states, cultures and religions.

For July, 1, 2001 in a view of re-registration before working and for the first time the registered organizations in the territory of Republic Tatarstan in the state register it is brought 1126 religious organizations. From them: Muslim — 892, Orthodox — 172 (Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchy — 156, True-Orthodox Church — 12, the Russian Independent Orthodox church — 1, Old Believers (Bespopovtsi) — 2, Old Believers (Popovtsi) — 1, Catholics — 2, Jewish — 4, Protestants — 51 (Lutherans — 1, evangelical Christians - Baptists - 4, evangelical Christians - 11, Adventists of the seventh day - 13, Charismats-1, the New Apostolic church - 2, Christians of evangelical belief - 16, Witnesses of Iehova — 3), Ahmadiya - 1, Vissarionists — 1, Bahai — 1, Vaishnavs (Chrishnait) — 2.

In 2000 3 cult buildings (1 mosque and 2 churches) were transferred to the believers, 37 cult buildings (31 mosque and 6 churches) were

constructed and restored, in a stage of construction and restoration remain 129 buildings (103 mosques and 26 churches). In total for last 11 years (since 1989) more than 100 cult buildings, including 28 mosques, 69 churches were returned to the believers. Now in using and the property of the religious organizations of the republic there are 891 mosques and 152 churches (according to Muslim Religious Board of Republic Tatarstan and the Kazan diocese).

State-religion relations develop according to logics of an experienced stage of the religious revival. Their distinctive feature is formation of new model of mutual relation of the state and religious structures. The given model gradually receives the legal, political, organizational registration. Recently Christians of all world celebrated 2000 years of Christianity. In Republic of Tatarstan, except for only church actions, realization of the special program on celebrating memorable historical dates — 2000-anniversary of Christianity and a 1400-anniversary of the beginning of distribution of an Islam in Russia authorized by the decision of the Cabinet of Republic Tatarstan N 508 from July, 12, 2000 was carried out.

Originality of last years was creation by the religious organizations of documents in which the most pressing questions of their mutual relation with the state, a society as a whole were reflected. (“The foundations of the social concept Russian Orthodox Church” and “The foundations of the social program of Russian Moslems”, accepted by council of the Muftis of Russia. Requirements of development of public relations have caused scientific interest to creation of projects of the concept of state-religion relations. Certainly, the state position in questions of a place and a role of the traditional religions new and traditional directions in secular and democratic federation should be precisely and is strategically determined.

In February, 1998 the organizational unity of Moslems of Republic Tatarstan was achieved and the uniform centralized body was created on the behalf of Muslim Religious Board of the Republic of Tatarstan. The basic tendencies of the given period is the statement inerconfessional stability and folding of Muslim institutes, that considerably facilitates interaction of the state bodies with Muslim clergy, and also orders

work inside the Muslim religious organizations which are included in structure of Muslim Religious Board of the Republic of Tatarstan. The Muslim Religious Board of the Republic of Tatarstan consists of 8 departments: educational, scientific, statistical, propagation and appeal, architecture, vakfs, press centre, international connections, 45 muhtasibats are available. Religious - judicial authority of Muslim Religious Board of the Republic of Tatarstan is carried out by Chief qazi and taking place by regional qazis in his submission in Central, East, Southeast, Southwest, Northern, Southern qaziats. Kazan Muftiat, registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation does not show a big activity though in conditions of organizational split of Moslems of Russia (more than 40 muftiats and the all-Russian centres) is attractive to many Muslim organizations.

The renewal processes in Muslim umma do not always pass quietly. On this background the problem of distribution of the various radical currents covered by a mask of an Islam and undermining foundations of a traditional Islam is especially hardy. The problem of distribution in Russia of Vahhabi ideas became especially actual, their use for undermining religious and national traditions, struggle against bodies of the government. The problem of distribution of these currents is inextricably related with a professional training clergy and those who receives religious education abroad. For a quiet spiritual development of Russia, in particular in regions of traditional distribution of the Islam, the policy of revival and development of national - religious traditions who are produced by many generations will be carried out.

In the republic there is a high enough scientific potential adequately to estimate attempts of revival become obsolete or alien for the Tatar Islam of organizational forms.

In the republic 8 professional religious educational institutions of a different level operate. In Kazan the Russian Islamic university (RIU) operates, called to prepare for ground for High (intellectual Islam). There is an unsolved question of reception by shakirds of RIU, alongside with the higher religious education, secular specialities (for example, the teacher of the Arabian language, the lawyer, the economist etc.) As university is going for experts for all regions of Russia, assistance of federal structures for attraction of financial support is necessary. In professional religious educational institutions of republic 108 teachers

are involved, and 1373 shakirds are taught on various ways. According to Muslim Religious Board Republic of Tatarstan, 10 % of communities are provided by experienced imams. With the purpose of revival of the best traditions of the Tatar society Council offered projects of creation of boards of guardians and founders by all professional medreses.

From 2000-2001 academic years training in professional медресе began to conduct under the typical programs, developed by Muslim Religious Board of Republic of Tatarstan, with assistance of Council on affairs of religions, for each level, including besides religious subjects the extensive block of secular disciplines.

The orthodoxy in the republic is submitted by arrivals of Kazan diocese of Russian Orthodox Church, Kazan-Mari metropolis of True - Orthodox Church, Old Believers, a community in structure of the Russian Orthodox Independent Church.

Last years dynamics of growth of orthodox arrivals of the Kazan diocese of Russian Orthodox church (at a level of 8-9 new communities) is stabilized. Reserves of growth of religious communities are available in large cities (in new blocks in Kazan and Naberezhnye Chelny). The diocese is not capable to carry out construction and restoration without sponsor's support. In 1999 in 9-th block of Kazan the church of Affection Divine was opened - the first object of Serafim of Sarov orthodox complex. For the decision of a problem of a professional training of clerics Eparchial management of one of the major directions of activity has selected education.

In 1997 in Kazan a spiritual school was opened which in 1998 was transformed into a theological seminary. In 2000 it passed successfully licensing by the Ministry of Education of the Russian Federation on a speciality of bachelor of Theology. By way of a diocese the further reorganization of seminary in academy, for this purpose is conducted construction of the additional educational case. branch Moscow Piously – St. Tikhon theological institute has become the second higher professional educational establishment. The wide spectrum of educational services here is offered: theological and vicarial, Catechism studies, church singing, foreign languages, embroidery art.

It is necessary to note the activization of religious education of children and youth. The leader of the given movement is the public - welfare fund of spiritual - moral development of children and youth Republic of Tatarstan in a bosom Of orthodox church – The Ark headed by nun Maria. Now in the republic operate more than 10 Orthodox-educational centres. Besides it rates of preparation of orthodox teachers work.

In a number of churches of service are conducted not only in the Church Slavonic language. So, in Kriashen parish at the Tikhvin church and Chuvash at church Paraskeva of Kazan divine service pass on the native language of parishioners.

Since 1989 on 2000 69 cult buildings were handed to orthodox communities (23 – in Kazan).

The old believers

Traditions of old believers in the territory of the republic continue communities (in Kazan and Chistopol) of Old orthodox-Catholic Okd Pomoriye Consent (bespopovtsi) and Russian Orthodox Old believe church (popovtsi). In Kazan in using of bespopovtsi there is a prayful house at Mejlauk street, 28. In 2000 it was completely transferred to the believers. The old believers have two temples: Pokrov church and Kazan-Bogoroditsa church. In 2001 (with the centre the diocese is registered in Kazan) Russian Orthodox Old believes united churches of Kazan and Viatka provinces.

True - Orthodox Church

In 1998 by the state registration chamber at Ministry of Justice RT Kazan metropolis of True - Orthodox Church was registrated. The head of newly appeared structure is an archbishop Alexander (the former head of the Kazan-Mari diocese of the Russian Orthodox Free Church). It has 12 registered arrivals.

The Russian Orthodox Independent church

In a village of Kluchitshi of Verhneuslon district there is a community in structure of the Suzdal diocese of the Russian Orthodox Independent Church.

Position of Catholics and Judaists in the republic is stable and steady.

In the republic 2 Catholic communities operate in Kazan and Naberezhnye Chelny. The big Catholic community in Kazan operated even before revolution. In December, 1996 the chapel on Arskt cemetery was transferred to a Catholic community, now restoration works there are practically completed. The administration of Kazan in October, 2000 allocated the ground area in the city centre, at Ostrovsky street, under construction of a temple to a Catholic community. Catholics actively are engaged also in a social service, the charitable organization "Chatitas" is registered.

Kazan and Naberezhnye Chelny communities of Catholics in the spiritual - organizational plan join the Catholic apostolic diocese for Catholics of a Latin ceremony of the south of the European part of Russia.

Judaic community of Kazan has operated with breaks since 1897. In 1997 the building of a synagogue in which the restoration works mostly financed by the Jewish funds and charitable societies were already practically completed was handed to a community. In the community a big cultural and charity work is held: Saturday schools, clubs on interests, various creative collectives work. Holidays "Khanuka", "Purim" and others attract the big audience being spent for the central concert halls in the capital. The second community operates in Naberezhnye Chelny, it lacks its own premise, practically all the activity is its cultural - educational work within the framework of the national society. Both communities enter in new-formed Federation of the Jewish communities of Russia (FJCR), uniting Jews of Habad Lubovitch Chassids. Rabbi of communities in the republic is the citizen of Israel I.Gorelik.

In the republic various Protestant directions (Lutherans, Evangelical Christians - Baptists, Evangelical Christians, Christians of evangelical belief (the fiftiers), Adventists of the seventh day, New Apostolic church) are widely submitted. The special place occupy Lutheran communities

in Kazan and Naberezhnye Chelny, arisen on the basis of German national - cultural societies. The building Kazan Lutheran Church, handed in 1997, is in a condition of restoration. The basic accent in the activity of communities is done on national - cultural work.

In 2000 the centralized organizations of evangelical Christians - Baptists (the actual leader the Kazan church "The way for survival", has operated from the beginning of XX century) and Christians of Evangelical - belief of the fiftiers (its centre is "Aven-Ezer" church in Naberezhnye Chelny) were created.

In Republic Tatarstan new religious movements (Ahmadiya, Bahai, Church of last Precept (Vissarionivists), sahaja-yoga, vaishnavs (Krishnaites), scientologists etc.) basically in Kazan, Naberezhnye Chelny, Almetyevsk and Nizhnekamsk are also introduced.

The reasons of appearance of new religious movements are identical all over the world: ideological crisis, sluggishness of traditional faiths, the introduction into a postindustrial phase of social development. Conditions of modern cities (Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk) — the absence of traditions complicated with problems of economic and social character, also promote appearance of new movements in these cities. Conditionally new religious movements can be divided into the following groups: of the eastern origin, of the western origin, having Russian roots and interconfessional (representing synthesis of various faiths and cultures).

Council on affairs of religions carries out the activity in constant contact to the Chancelory of President Republic of Tatarstan, Security Council, the State registration chamber at Ministry of Justice Republic of Tatarstan, power departments, the ministries of culture, education, public health services, administrations of cities and areas of republic. There is a constant information interchange. Council on affairs of religions in 2000 organized and carried out a number of meetings on actual problems in cities: Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Almetyevsk, Zainsk, Leninogorsk, Buinsk, Kukmor, Nurlat and Baltasi regions etc. Employees of Council 36 times left for the cities and areas of the republic, more than 50 lectures on various establishments of the

republic have been delivered. 409 references, inquiries, letters of citizens, state, public organizations have arrived to the address of the council. During the last year 417 visitors were accepted by Council. During a year representatives of the Muslim organizations from Egypt, Kuwait, Turkey and other countries, a management of church of Mormons, the head of the administrative centre of Iegova Witnesses (in Russia and the countries of the CIS) V.M.Kalin, the chairman of Council of muftis of Russia R.Gajnutdin, the main rabbi of Russia Berl Lazar, the apostolic manager of the south of the European part of Russia for Catholics of a Latin ceremony bishop Klemens Pikkell', the representative of Vatican Tomas Michel, the chairman of the State Committee of Byelorussia on affairs of religions and nationalities A.N.Bilyk were accepted in the Council..

The informative, analytical, expert work, preparation of religio-studying conclusions is regular during a year. In connection with work on reduction conformity of laws PT and the Russian Federation the statement of expert council is delayed, accordingly the stress is made on religious studies conclusions.

In 2001 the dictionary - directory "Republic of Tatarstan: a freedom of worship and religious boards" was prepared and issued in Russian and Tatar languages. It is 8-th release in a series "Culture, religion and society". In 2000 materials of the international conference "Musa Bigiev": a heritage and modernity" were issued. At participation of Council on affairs of religions albums were issued: "Mosques of Tatarstan" and "Orthodox temples of Tatarstan".

In November, 16-17, 2000 Council on affairs of religions together with Institute of History of Tatarstans Academy of Sciences, Kazan diocese of Russian Orthodox Church and Muslim Religious Board of Republic of Tatarstan carried out the international scientific - practical conference "Islam and Christianity in a dialogue of cultures on a boundary of millenium". This representative forum collected participants from many cities of Russia, Germany, Italy, Israel, Turkey, Egypt and representatives of the Moscow Patriarchy, Vatican, Council of muftis of Russia, Evangelic-Lutheran church etc. In 2001 materials of the given conference were issued.

1990-s became for Tatarstan the period of the unknown religious freedom comparable only with the period between revolutions of 1917.

Mass opening of educational institutions and mosques, the edition of the religious literature, training abroad and arrival of religious teachers other states on dynamics have no analogues in any other period. However alongside with bloom of an Islam the illnesses of growth first of all connected to shortage of experts in the area of dogma and religious education were also inevitably shown. Aspirations to preserve the Islam at a level of separate rural communities on an example of the Soviet period therefore should arise or borrow foreign samples. In due time Jadidism won due to the union of ulems, secular intelligency and bourgeoisie. Conditions for such process at present develop only gradually. The role is played also with slow formation of structures of civil society, weakness of traditions of civil culture in Russia. However the thousand-year tradition of co-existence of peoples and religions within the framework of the joint states, since epoch of Golden Horde, determines consciousness as politicians, and ordinary citizens. Modernization of the Islam at the end of past and in the beginning of this millenium has influenced Tatars, but they have taken from it first of all principles of development of modern samples of science and culture and civil institutes. Last decade in this case has not change much. Tatarstan and its capital Kazan remain places where there are no interreligious conflicts and people here perceive a mosaic of cultures, as a part of the daily life.

Содержание

Предисловие.....	3
Религия и государство в Среднем Поволжье: политика терпимости и поликонфессиональности.....	5
Опыт сосуществования монотеистических общин и гражданской лояльности.....	15
Традиции казанского востоковедения	29
Ислам в современных межрелигиозных и государственно- конфессиональных отношениях.....	43

Contents

The foreword.....	55
Religion and the state in the Middle Volga region: Policy of tolerance and polyconfessionality.....	57
Experience of co-existence of monoteistic communities and civil loyalty.....	67
Traditions of the Kazan oriental studies.....	80
Islam in modern interreligious and state-confession relations.....	93